

[Polaris]

АНДРЕЙ
ЗАРИН

ДАР
САТАНЫ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXI

Salamandra P.V.V.

**Андрей
ЗАРИН**

**ДАР
САТАНЫ**

Salamandra P.V.V.

Зарин А. Е.

Дар Сатаны. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 72 с. –
(Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып.
СХХI).

Фантастическая история о привидении, слюне Сатаны, охоте на тараканов и чтении мыслей, написанная популярным писателем А. Е. Зариным (1862-1929).

ДАР САТАНЫ

I.

Б ыло всего восемь часов вечера, когда Федор Андреевич возвращался к себе домой, — в первый раз в жизни в свою собственную квартиру, что забавляло и радовало его совсем по-детски.

Он добродушно кивнул дворнику в ответ на его почтительный поклон, деловым тоном спросил: «не было ли на его имя писем», и степенным шагом прошел под ворота, с радостным трепетом сжимая рукой в кармане ключ от собственной квартиры!..

По довольно опрятной лестнице (хотя она служила для жильцов и парадной, и черной) он, не спеша, стал подниматься к себе в третий этаж, когда вдруг увидел на повороте господина, шедшего по лестнице впереди него. Невысокого роста, скорее полный, чем худой, в шляпе котелком и теплом пальто с рыжим вытертым (когда-то бобровым) воротником, господин этот, пыхтя и отдуваясь, подымался вверх, и Федор Андреевич несколько замедлил свой шаг. Когда господин поднимался на площадку третьего этажа, Федор Андреевич был от него ниже ступенек на шесть. Господин взошел на площадку, повернул налево, и вдруг сразу смолкли и его шаги, и его сопение. Федора Андреевича это невольно поразило; он в два шага очутился на площадке и с изумлением огляделся: ни на площадке, ни на лестнице незнакомца не было. Федору Андреевичу такое исчезновение показалось подозрительным. С быстротой юноши он поднялся до площадки пятого этажа и спустился назад в полном недоумении: незнакомец исчез без следа. Ни одна дверь не стукнула, не открылась, мимо него таинственный незнакомец не проходил, — куда же он девался?

Но тут Федор Андреевич увидел на двери ярко вычищенную медную доску со своей фамилией, вынул из кармана ключ и, отворяя дверь в свою новую квартиру, сразу забыл о незнакомце и его таинственном исчезновении.

Федор Андреевич вошел в крошечную прихожую, тщательно запер дверь, повесил пальто и прошел в первую комнату своей квартиры.

Здесь он зажег одну лампу на переддиванном столе, другую на стене, третью на еще неубранном письменном столе и с наслаждением опустил на диван, созерцая свои владения.

Крошечная квартирка его имела всего две комнаты с коридором и кухнею, но для него этого было вполне достаточно.

Большую комнату он назначил для занятий, еды и приемов. Между окон поместился письменный стол и кресло, в углу этажерка, вдоль стены — книжный шкаф; напротив шкафа стал черный крошечный сосновый обеденный стол, над которым теперь весело горела стенная лампа с вертушкой; в углу деревянная колонна, под белый мрамор, с гипсовой фигурой Наполеона в его классической позе. Наконец, свободный угол комнаты (в третьем — стояла печка) заняла гостиная: стол, диван, два кресла на войлочном ковре с изображением крадущегося среди зарослей тигра.

На окнах висели занавески, на дверях — портьеры, в четырех корзинах стояли растения, а по стенам висели несколько гравюр и дюжины две кабинетных портретов в рамках. Все же в совокупности имело такой уютный, приветливый вид, что Федору Андреевичу был вполне простителен его самодовольный восторг.

Конец этим скучным путешествиям по меблированным комнатам с их шумом и гамом, с непрошеными

знакомствами, с буйными или навязчивыми соседями...

В своей квартире человек всегда сам себе хозяин.

И, наконец, это уже собственность, оседлость... Растопив печку, заварив чай и ярко осветив комнату, как легко и хорошо можно поработать, помечтать и... вдохновиться...

Федор Андреевич был поэт.

При этих мыслях он взглянул на свой письменный стол, который, еще неубранный, казался каким-то унылым остовом, на пустую этажерку и книжный шкаф и тотчас вспомнил, что ему предстоит еще уборка.

Он бодро прошел в соседнюю крошечную комнату, предназначенную для спальни, переоделся и, вернувшись, занялся уборкой, для чего вытащил из стола все ящики, битком набитые всякими безделушками и бумагами, а из кухни перетащил с десятков свечных ящиков с книгами.

Письменный стол он убирал с особою тщательностью, как иная девица убирает свой туалетный стол, и в этом отчасти сказывался его характер.

А характер у него был прекрасный! Кажется, не было такого человека, который, познакомившись с ним, не полюбил бы его за его открытое сердце, за его громкий, искренний смех, за прямой взгляд его больших серых глаз.

А может быть его любили и за то, что сам он всех любил и причиненного ему зла никогда не помнил.

Испытав в молодости борьбу и лишения в таком городе, как Петербург; без всякой поддержки прожив годы университетского учения, служа в одном из министерств уже шестой год без всякого движения, в то время, как другие, гораздо менее его способные, перегоняли его, Федор Андреевич к 30 годам жизни сумел сохранить в своей душе веру в людей и всегда с горя-

чим убеждением говорил, что в своей жизни ни разу не встречался с дурным человеком.

Знакомые слушали его с ласковой, снисходительной улыбкой и качали головами, а, отходя от него, переглядывались и чуть заметно пожимали плечами.

Федор Андреевич был поэт, но не из тех, которые считают себя призванными нести на своих раменах все бедствия мира и потому вечно ноют; не из тех, которые, считая себя пророками, бичуют порок и проповедуют прописные добродетели, а просто — поэт, в рифмованных звуках изливавший впечатления своей души.

И все казалось ему прекрасным и радостным.

Тем более люди.

Среди окружающих его не было ни глупых, ни злых, ни корыстолюбивых, ни завистливых, и, если ему случалось слышать осуждение того или другого поступка своего ближнего, он всегда находил ему оправдание.

Про начальника отделения, где он служил, Василия Семеновича Чемоданова, говорили, например, что он черствый эгоист, который для своей карьеры не поступится ничем.

И самая фигура его, сухая, длинная, прямая, как палка, облаченная в вицмундир без одного пятнышка, в сорочку, накрахмаленную так туго, что, переломись у него шея, голова держалась бы все так же прямо над стоячим воротничком; самая физиономия с выскобленную кожей на верхней губе и подбородке, с тщательно расчесанными баками, с презрительным взглядом из за стекол золотого пенсне, с узким лбом и голым черепом; величественная походка аиста — все, казалось, подтверждало общее о нем мнение. Но Федор Андреевич с ним не соглашался.

Он указывал на массу дела, которую с легкостью исполняет Чемоданов; на огромную семью с доброй

полдюжиной племянников и племянниц, которых он содержит, на всем известные факты его неподкупной честности. И, совершенно забывая все злые и дурные о нем рассказы, искренно уважал его.

В то время, когда другие смеялись над манией Петра Петровича Штрицеля мнить себя писателем, он горячо отстаивал за ним это благородное звание, указывая на целый ряд его стихов, напечатанных в разных журналах.

Павла Ивановича Тигрова, вопреки общему мнению, он считал за умного человека, не обладающего только даром слова, и даже Никодима Никодимовича Пузана, признанного всеми за лицемера, он считал возвышенной душой.

Словом, все его знакомые были милейшие люди; все, что они делали, казалось ему прекрасным, и даже лица, встречавшиеся на улице, казались ему всегда симпатичными и добрыми.

В то же время Федор Андреевич не был глуп, как думали некоторые из его знакомых. Нет, это было просто свойство его души видеть в человеке прежде всего его хорошие стороны.

Когда Федор Андреевич закончил уборку, было уже 12 часов ночи. Он довольным взглядом оглядел свой письменный стол, ярко освещенный кабинетной лампой и теперь прибранный; посмотрел на шкаф, за стеклом которого строгими рядами вытянулись корешки книг; на этажерку с журналами и бумагами, — и устало потянулся.

Потом, совершив свой ночной туалет, он загасил лампы и вошел со свечою в спальную, где тотчас и улегся в постель. Но едва он загасил свечу и плотнее закутался в одеяло, как произошло нечто удивительное...

II.

Прежде всего ему показалось, что в соседней комнате мелькнул свет. Он торопливо встал, думая, что одна из ламп не погасла; но в комнате было совершенно темно и торжественно тихо. Он улегся, и тогда до его слуха явственно донеслось шарканье туфель. Они были, вероятно, без задков, и, время от времени, в тишине слышался стук набоек.

Федор Андреевич снова встал, зажег свечу, вышел в соседнюю комнату, крошечную переднюю, прошел по коридору в кухню и вернулся назад. Везде было тихо и пусто, только в кухне за дровяным ящиком суетливо бегали мыши.

Федор Андреевич не был ни труслив, ни суеверен. Это странное шарканье он приписал акустическим свойствам своей квартиры и спокойно улегся снова в постель.

Но едва он погасил свечу, как в коридоре раздались опять те же звуки. Как будто кто-то вышел из кухни и медленной, старческой походкой шел по коридору к передней. Федор Андреевич невольно откинул одеяло и насторожился. Темнота начинала пугать его. Он встал, поднял занавеску и опять улегся.

«Теперь гуляй», — усмехнулся он, взглянув на бледную полосу света, которую проложил яркий месячный луч. Луч шел вдоль стены, освещая стул против кровати, платяной шкаф, до самого угла, где стоял умывальник.

Федор Андреевич закрыл глаза. А туфли шаркали... они уже прошли коридор, прихожую, шаркают по соседней комнате и, наконец, здесь, подле кровати.

Федор Андреевич открыл глаза и вдруг с легким криком поднялся и сел на постели. Он почувствовал, как кожа стягивается у него на черепе, шевеля волосы, и по спине пробегает холодная дрожь.

То, что он увидел, показалось ему до невероятности странным. В полосе света мимо него, шаркая туфлями, прошел маленький, сморщенный старик в пестрой ермолке и халате; он дошел до стула и сел на него, прямо против кровати. Сел, положил желтые руки себе на колена, и вперил тусклый взор в Федора Андреевича, который в этот миг с своим бледным испуганным лицом сам казался выходцем с того света.

И они молча смотрели друг на друга в голубоватом сиянии лунного света...

Виденье стало казаться Федору Андреевичу реальным. В слабой, скорченной фигуре старика не было ничего демонического, а его тусклый взгляд был совершенно безобиден.

Федор Андреевич слегка оправился, но не мог еще совладать с своим голосом и хриплым шепотом спросил:

— Кто вы и что вам надо?..

— Вы мне будете помогать; я — вам... Я вам много хорошего сделаю! О! — ответил дребезжащим голосом старик, хотя фигура его осталась неподвижной, а сморщенное лицо мертвенно-покойно.

— Кто же вы? — повторил уже явственнее свой вопрос Федор Андреевич.

— Я? Карл-Эрнест-Иоганн-Фридрих Пфейфер. Фридрих Пфейфер, аптекарь.

— Как вы попали сюда?

— Я? Я тут шестнадцать лет! Мне нет покоя. О, шестнадцать лет! Биль здесь много людей, глупых людей. Я ходил на всех. Все боялся. Глупые люди! Ви мне будете помогать, я вам. Я от вас покой иметь

буду. О, шестнадцать лет... на ногах... здесь... ужасно!.. — И в крошечной комнате послышался как бы вздох.

— Как же я дам вам покой? — спросил Федор Андреевич и опустился на подушки, приняв полулежачее положение.

— Ви вынимайте меня! У меня есть штук! О, какой! Я буду открывать вам, а вы меня — вон.

— Откуда?

— Здесь! Шестнадцать лет здесь... Карл Иванович Шельм... о, самый настоящий Шельм! У него аптек, хороший аптек на Гороховой, и он — таракан! О, хитрый шельм!..

— Я ничего не понимаю, — с недоумением произнес Федор Андреевич.

— О, это длинный историй. Я вам буду рассказывать. Вот...

В это время где-то за стеной часы глухо пробили три, и старичок вдруг заволновался. Очертания его стали бледнеть, расплываться; вместо старичка появилось бледно-светящееся облако, которое медленно растворилось в воздухе...

Раздался оглушительный звонок, от которого Федор Андреевич проснулся и вскочил с постели. Зимнее солнце ярко светило в его окошко. Он было взглянул на часы. Стрелки показывали 10. Наскоро накинув на себя пальто, заменявшее ему халат, Федор Андреевич отворил дверь и впустил дворника, которого вчера еще договорил прислуживать по утрам, а потом снова лег в постель, чувствуя, что не выспался. Сон или видение продолжало как-то странно беспокоить его.

По коридору стучали сапоги дворника, из кухни доносилась его возня с самоваром. Потом он вошел в спальню с охапкой дров, уложил их в печь и, присев на корточки, стал разжигать поленья.

— Послушай, — заговорил Федор Андреевич: — тебя как звать?

Дворник обернул к нему свое молодое безбородое лицо и ответил:

— Иван!

— Скажи, пожалуйста, Иван, отсюда давно съехали прошлые жильцы?

— А што? — и Иван как-то странно взглянул на Федора Андреевича.

— Да так спрашиваю. Давно?

— Месяц, как съехали.

— А долго жили?

— Жили неделю... задаток зажили.

— А раньше были жильцы?

— Были.

Дворник отвечал как-то неохотно и каждый раз после ответа с удвоенным старанием начинал дуть в печку.

— И жили тоже неподолгу? — продолжал допытываться Федор Андреевич.

— Всяко было...

— Ну... самое большее?

— Месяц жили.

— А больше?

— Больше не жили.

— Почему же уезжали?

Дворник раздул пламя и поднялся с полу. При последнем вопросе он усмехнулся и ответил:

— Боятся, слышь! Говорят, быдто неладно тут, старик какой-то бродит. Ну, и пугаются.

Потом, постояв немного и видя, что барин лежит молча с закрытыми глазами, сказал:

— Я все изготавил. Извольте запереть! — после чего осторожно вышел из комнаты.

Федор Андреевич тотчас встал. «Значит, не сон, — решил он, заперев дверь за дворником и начиная одеваться: — выходит, у меня квартира с привидением. Вот бы Прибыткову!» При этой мысли он улыбнулся, и к нему вернулось обычное хорошее расположение духа.

III.

В 12 часов Федор Андреевич надел шубу и пошел на службу. У ворот он приостановился и сказал дворнику, чистившему панель:

— Если ко мне, Иван, придут письма, ты их возьми к себе.

— Слушаю-с! — ответил дворник.

«Славная физиономия, — подумал, отходя, Федор Андреевич: — открытая, честная. Чисто русская!»

Он дошел до угла и остановился подле газетчика.

— Будешь каждое утро доставлять мне газету, — сказал он ему, подавая визитную карточку. — Сейчас по этой улице, дом номер 17-ый!

— Слушаю-с, — ответил газетчик, снимая фуражку.

— Да, только, пожалуйста, не запаздывай с ней, — прибавил Федор Андреевич: — не позднее 10 часов.

— Будьте покойны!

Федор Андреевич двинулся дальше.

— Ба, Федор Андреевич, вы здесь? — раздался подле него возглас, — каким способом?

Федор Андреевич обернулся и с радушной улыбкою поспешил пожать руку своего сослуживца, Орехова.

Необыкновенно высокого роста и необыкновенной худобы, Орехов походил на вешалку, на верхушку которой поставлен цилиндр, а на рогатку повешена изрядно потрепанная шинель. Лицо его представляло как бы один профиль, да и то очень печального вида, с длинным загнутым носом.

— Каким способом? — ответил Федор Андреевич, идя рядом с Ореховым: — здесь поселился, у вас; квартиру снял. Прехорошенькая, две комнатки...

— С новосельем, значит! — произнес Орехов унылым тоном и опустил голову, завертываясь в шинель; словно сказал своим близким: «прощайте» и закутался в саван. Унылый тон и мрачный вид никогда не покидали Орехова, и если случалось ему на миг оживиться и придать себе развязный вид, то, спохватившись, он тотчас с удивительным искусством изображал опять человека, приговоренного к смертной казни.

Федор Андреевич прошел с Ореховым в совершенном молчании улицу и, наконец, завертывая за угол, произнес стереотипную фразу:

— Как поживаете? Как здоровы?

Орехов словно ждал этих вопросов и сначала испустил протяжный вздох, а потом заговорил тоном жертвы, покоряющейся судьбе:

— Все так же! Работаю до пяти, потом работаю до 10, потом до 2-х, и так день в день. Работник-то, бабюшка, я один, а семья — сам-шесть! О-ох! Жена не помощница. Денег не хватает. Это, голубчик, не по-вашему. Да! Здоровье? Разве я смею хворать? не смею: значит, и здоров! — и, попав на любимую тему, он уже говорил всю дорогу, не умолкая. По его словам, он представлял собою клячу, которую впрягли в фургон, набитый седоками, и гонят без устали вперед и вперед. Его тон, фигура, самое содержание беседы вызывали всегда сочувствие в слушателях, и он, — как другие при

общем внимании гордо выпячивают грудь, становятся развязнее, — по мере речи становился все меланхоличнее и, наконец, смолкал, на половине фразы прерывая себя тяжким вздохом.

Федор Андреевич чувствовал горячую жалость к Орехову, и ему даже было немного совестно за свою сравнительно обеспеченную жизнь.

Они подошли к подъезду и вошли в помещение министерства. Бойкие сторожа предупредительно бросились им навстречу.

Федор Андреевич разделся и, пока Орехов сматывал со своей длинной тонкой шеи бесконечное кашне, легко избежал по роскошной лестнице на широкую площадку, на ходу пожимая руку то одному, то другому, и, свернув направо, по широкому коридору, направился к своему отделению.

В отделении все уже были в сборе и он стал обходить всех по очереди.

Штрицель, красивый блондин, атлетического сложения, близорукий, как крот, сидел нагнувшись у стола и что-то писал, рискуя носом стереть все написанное.

— А! — широко улыбаясь, приветствовал он Федора Андреевича: — а я на злобу дня пишу. Послушайте!

Он взял листик и прочел, после каждой строчки с вызывающей улыбкой взглядывая на Федора Андреевича:

Сколько б не было сумбура,
Поразмысли, мудрый бритт:
Ты одуть желаешь бура,
Как бы не был сам отбрит!
Драть привык ты по две шкуры...

— А дальше, — заговорил он, откладывая листик:

— рифма будет: буры. А? Каково? — и он засмеялся.

— Мило, — улыбаясь сказал Федор Андреевич и быстро выпрямился. Журавлиным шагом, не шевеля головою, в комнату вошел Чемоданов и степенно обошел всех служащих, подле каждого поднимая негибающуюся руку. После этого он скрылся в своей комнате, и тотчас послышался его скрипучий голос:

— Яков Валентинович!

Старший помощник схватил бумаги и суетливо шмыгнул в комнату начальника.

Федор Андреевич отошел к своему столу. Штрицель снова приложил нос к листику бумаги и видимо задумался над строкой.

Сторож на огромном подносе внес стаканы, налитые чаем; в комнате все занялись завтраком. К Федору Андреевичу подошел Тигров, брюнет с громадной, круглой, как шар, головою, на которой короткие жидкие волосы вились, как у барана. Широко улыбаясь, он сел у стола и, нагнувшись к Федору Андреевичу, заговорил:

— А я, знаете, вчера одну курсистку как срезал?

— Как?

— Я, знаете, показал ей аршина два от полу и спрашиваю: вы видели такого петуха? Она говорит: нет. Я, говорю, тоже не видел! Хохотали весь вечер!

Федор Андреевич улыбнулся.

— Да, знаете ли, — уже с серьезным видом сказал Тигров: — она больно развязна была. Невозможно! Надо было срезать! Ну я ее: чик!.. — и он, сделав соответствующий жест, опять засмеялся.

Чай отпили; закулив папиросу, Федор Андреевич вышел пройтись по коридору. К нему подошел Хрюмин, невысокого роста с сгорбленной фигурой и низко наклоненной головою, словно его ударили по шее. Разговаривая, он крутил ею и постоянно хихикал.

— Жалко, что ты от Штрицеля ушел вчера рано, — сказал он: — было весело!

— А что?

— Так. Он стихи забавные читал, потом Юматов пел.

— Волком выл?

— Нет, пел, — и он захихикал.

— А ты долго сидел?

— Нет. Катька домой захотела. В десять ушли.

Катькой он звал свою жену, и это тоже очень нравилось Федору Андреевичу, как проявление добрых товарищеских отношений к жене.

Подле бухгалтерской они встретили Жохова, настоящего слона, старавшегося держать себя по-светски.

— Ах, братцы, — воскликнул он дружески: — какая вчера у графа Заметова игра была! — и при этом он оглянулся на проходивших мимо чиновников.

— В макао? — вертя головою, спросил Хрюмин.

— Ну, понятно! По 200 рублей рвали!

— Ты-то что сделал?

— 65 выиграл! — и лицо Жохова осветилось само-довольной улыбкой.

«Славные ребята, — думал Федор Андреевич, возвращаясь к своему столу и садясь за работу. — Честнейшие души, открытые, добрые!..»

И, всеми довольный, он погрузился в составление какой-то бумаги.

Когда он окончил составление этой бумаги, часы уже пробили пять, и служащие, торопливо прощаясь друг с другом, вереницею потянулись по коридору к лестнице.

— Федор Андреевич! — раздался оклик Чемоданова.

Федор Андреевич быстро встал и прошел в комнату своего начальства.

Чемоданов движением головы указал ему на стул и заговорил скрипучим голосом:

— Я вас пригласил, чтобы порадовать. Вы давно у меня служите и остаетесь, собственно, без движения. Так вот...

Он побарабанил пальцами по столу и продолжал:

— От нас Якова Валентиновича берут. В финансовое отделение... так я решил ходатайствовать о вас. Думаю, что вы оправдаете мой выбор...

Федор Андреевич покраснел от удовольствия и торпливо ответил:

— Я никогда не манкировал службою, теперь же... поверьте... всегда... — он сбился и замолчал.

Чемоданов изобразил на своем лице нечто вроде улыбки и сказал:

— Ну, и отлично! Только до поры до времени это секрет!

Он протянул руку Федору Андреевичу, и тот вышел из его кабинета сияющий, как праздник.

В коридоре с ним сравнялся Жохов.

— Что это ты такой?

Федор Андреевич не удержался.

— Повезло сегодня, — сказал он радостно: — у нас, оказывается, Горлова переводят; так Чемоданов меня на его место!

— Тебя?! — вспыхнув, воскликнул Жохов, но тотчас сдержался и, дружественно хлопая его по плечу, сказал: — Отлично! Поздравляю! Куда же его переводят?

— В финансовое отделение!

— Это к Сербину? А! Чемоданов уже просил за тебя?

— Нет, собирается.

— А! собирается. Ну, поздравляю, дружок, поздравляю! Ты не болтай только никому! — тихо прибавил он и подошел к вешалкам.

Федор Андреевич дружески кивнул ему и стал поспешно одеваться.

Был вторник, и он обедал у Чуксановых.

Проезжая мимо кондитерской, он остановился и купил коробку конфет.

Чуксановы жили на Петербургской стороне, в собственном, очень хорошеньком домике.

Все семейство состояло из отца, матери, дочери и сына, и, понятно, для Федора Андреевича вся притягательная сила заключалась в дочери, хорошенькой Нине Степановне, которая два года, как окончила гимназию и ходила от нечего делать на музыкальные курсы.

Сам Чуксанов, Степан Африканович, служивший интендантом в славную турецкую войну, вышел в отставку после кампании и, приобретя недвижимость на Петербургской стороне, облекся в халат и поселился безвыездно в задней комнатке своего домика. Небольшого роста, круглый, как шар, с крошечными, седыми баками на пухлом лице, он казался олицетворением добродушия, а между тем старожилы Петербургской стороны вспоминали былые годы, когда к нему вереницею шли убогие отставные чиновники и вдовы с пенсионными книжками, и говорили, что ни отцы их, ни деды не знали такого скареда и кровопийцы.

Его жена, Глафира Иларионовна, высокая и сухая, как щепка, всегда в темном платье и крахмальном чепце, с лошадиною физиономией и нежным расслабленным голосом, казалось, весь остаток своей жизни посвятила посту и молитве; а, между тем, соседи единодушно заявляли, что не было и не будет такой сплетницы, как эта Чуксаниха, а прислуга при всяком случае заявляла в мелочной лавочке, что Господь Бог за грехи определил ее на такое каторжное место.

Зато дети их, сын Анатолий, студент-медик 5-го курса, и 20-тилетняя Нина пользовались в околотке уважением.

Федор Андреевич репетировал Анатолия, когда тот был в шестом классе, и с той поры привязался к семье Чуксановых, главным образом, к Нине, этой красивой девушке с энергичным взглядом карих глаз, с характером несколько резким, но, как казалось Федору Андреевичу, идеально-прекрасным.

В этот день он, по обыкновению, провел прекрасно у них время. После обеда старики пошли отдохнуть, а он остался вдвоем с Ниной. Нина играла. Свет лампы, прикрытый абажуром, слабо освещал комнату. В комнате было тепло, уютно, и искусная игра Нины погружала ум в сладкую мечтательность. Федор Андреевич не сводил с нее глаз. Она сидела прямо, с устремленным вперед недвижимым взглядом, и ее изящный профиль казался драгоценной камеей на темном фоне обоев.

Федор Андреевич слушал музыку, до него доносился мерный звук колоколов, призывавших к вечерне, и сердце его переполнялось нежностью. Ему хотелось плакать и молиться, упасть перед Ниной на колена и целовать ее руки, — но в комнату, шаркая туфлями, вошел Степан Африканович, и очарование сразу разрушилось.

Все же, когда, напившись у них чаю, Федор Андреевич направлялся домой, сердце его было полно мыслями о Нине.

IV.

Придя домой, он переоделся, сел к столу и торпливо набросал:

Люблю тебя все жарче и сильнее
За прелесть дум, навеянных тобою,
За чистоту молитв моих порою
Все за тебя в безмолвии ночей;
За те мечты, которые рождались
В моей душе под взором милых глаз,
За слезы те, что часто проливались
Все за тебя в вечерний тихий час...

Он перечел стихотворение и задумался. Перед ним, как живая, стояла Нина, и он любовался ею, стараясь проникнуть в ее душу. «Любит или не любит»? — думал он про нее, и ему казалось, что любит.

С этими мыслями он лег в постель и загасил огонь.

В середине ночи он вдруг проснулся, чувствуя на себе чужой взгляд, и тотчас вспомнил прошлую ночь. Быстро повернувшись на другой бок, он увидел прямо перед собою, на том же стуле, что и вчера, того же старика. Он сидел так же неподвижно, положив бледные руки на колена и устремив перед собою тусклый взор.

Странная вещь! Федор Андреевич на этот раз не испытал решительно никакого страха и чувствовал себя совершенно спокойно, словно пришел к нему самый задушевный приятель и они сидят у стола за стаканом вина.

— Здравствуйте, — приветливо сказал Федор Андреевич. — Ну, сегодня вы, вероятно, расскажете мне свою

историю?

Старик чуть заметно кивнул головой и в комнате раздался тихий голос.

— О, ja! Эту ночь мы успеем. Вот. Слушайте.

Федор Андреевич приподнялся, подбил себе под бок подушку и облокотился на руку, а старик медленным, ровным голосом, без малейшей интонации, начал свой удивительный рассказ, довольно сбивчиво, но все-таки настолько ясно, что сущность его можно было усвоить.

— Это странный дель, — заговорил он: — и вы можете не верить, но я буду доказывать вам и дам такой талисман. Да! Ви можете себе карьер делать и будете для всякий особ очень приятный господин. Да!

— В чем же дело? — перебил его Федор Андреевич.

— Дель? Большой дель! Я биль у мой дядя, Густава Пфейфер, в аптек, и я много ушился, а потом занимался тайной наукой, и у меня била книг. О, какой книг! Я ее шитал и звал Мефистофель, и он мог все делать: элекси́р делать, помад, красок. Все!.. И биль еще аптекарь. Карл Иваныч Шельм. О, настоящий Шельм! Да! и у дяди била Эмма, дочь, фрейлейн Эмма..

В комнате пронесся протяжный вздох.

— Вы любили ее? — спросил Федор Андреевич.

— О, ja! Я даваль за нее душу и хотел жениться и дядя даваль с ней аптек и говорил: «я отдыхать буду!» Только, он говорил, что надо что-нибудь изобретайть такое... и я думаль, много думаль, и говориль Шельм. Он говориль: «я твой друг!» и я вериль! Я говорил ему про тайный наук, про свой книг, и он говориль: «Фридрих, мужайсь!», и я мужалсь. Да! Я доставал себе слюн сатаны. Да. И делал кристаль!

— Что? — изумился Федор Андреевич.

— Слюн от шорт. Мефистофель! — ровным голосом ответил старик. — Когда на земле бываешь очень худой шеловек, канайль, и ему удивляешься даже шорт, он плюет ему в глаза. Тьфу! И тогда тот делается gross канайль! Он видит все души, как в зеркал, и делает, чтобы быть приятным. Тот любит лесть, и канайль ему льстит; тот любит, чтобы всех ругайть, и канайль всех ругайть, и тогда нравится и идет. Выше, выше! Генерал! Такие есть. Много! Им шорт в глаза плевал. Тьфу...

— И вы?..

— Вот, — ответил старик: — я читал свой книг и узнал, как можно удивить шорт, и он плевал. Я собирал и делал большой кристалль и потом хотел толочь в ступке и продавайть. И всякий, кто хочет быть канайль и делать карьер, покупайть и видит шеловета насквозь и делайть все, что нравится. Да!.. И я биль рад и бросился на шей Шельм и кричал: «милый Карл, я достал слюн сатаны, шорт!» И он целоваль меня, и ми оба плакаль и пили пиво. И я утром хотел идти говорить дяде и брать за собой Эмму и сиял. И пришел Карл и кричалъ: «отдай кристалль!» а я спрятал кристалль. И он меня убиль и положиль в стен и замазаль. Да!

В комнате опять пронесся вздох.

— И вы в стене? — испуганно спросил Федор Андреевич.

— Ja! в стене! 16 лет! и все на ногах. Я в землю хочу, лечь! Он досталь мой книг и шитал ее и заговорил меня, а потом женился на Эмме и теперь нет Пфейфер, а есть Шельм. Аптек Шельм!

— И он взял кристалл?

Что-то вроде смеха послышалось со стороны старика.

— О, нет! Я догадалсь и заговариваль. Кристалль лежить, а Шельм его ищет. Он приходить каждый ночь и шарит везде.

— Приходит? Куда?

— Здесь! Он идет, потом — пфа! Делается таракан и ищет! Везде ищет! До полночи ищет, а потом — пфа! Снова Шельм и идет в аптеку. 16 лет ищет! Ви мне теперь будьте помогайть, а я вам кристаль дам! Да! Ви будете карьер делайть!..

— Как же я могу помочь вам; я не знаю! — с чувством разочарования сказал Федор Андреевич.

— О, пустяк! Вовси пустяк! Легкий штук!

— Но как?

— Ви будете ловить...

— Я? Аптекаря?!

Федор Андреевич даже приподнялся в постели.

— Ну, ну! Только тогда, как он станет таракан. Пфа — и в коробочка!

Федор Андреевич кивнул.

— И потом что?

— Все! 12 часов, он не Шельм — и заговор нет! Я буду свободный! Кристаль у вас! Все!

— Но, ведь, вы... убитый?.. Мертвец! — с недоумением произнес Федор Андреевич.

— Я? нет. Дюша нет. Тело...

— А оно куда денется?

— Я уношу его и брошу...

И что-то вроде смеха послышалось в комнате.

За стеной раздался медлительный бой часов.

— Ловите таракан! Ловите! Кристаль ваш! — словно вздох пронеслось в воздухе, и опять вместо старичка образовалось бледное светящееся облако, которое медленно расплылось по комнате.

И едва он скрылся, как Федор Андреевич облегченно вздохнул, с недоумением обвел комнату взглядом, и все происшедшее показалось ему бредом.

Слюна сатаны, заклятие, два аптекаря, таракан, душа, убирающая тело...

Положим, постоянно толкуют об участии в наших судьбах таинственных сил. Какой-то почтенный иеромонах выпустил в свет книгу, в которой до всеобщего сведения доводит все проделки чертей и обстоятельно описывает все образы, какие они принимают для уловления душ; некий Карышев, постепенно сняв все оболочки с души, обнажил ее совершенно и, шаг за шагом, проследил все ее странствования по иным планетам, описав подробно ее времяпровождение; но все-таки...

И Федор Андреевич заснул с скептической улыбкой на губах.

Но скептицизм его скоро кончился.

Из ночи в ночь старик не давал ему покоя, справляясь об успехе его ловли, и каждый раз просиживал на стуле до урочных трех часов, оглашая комнату протяжными вздохами.

Это становилось тяжело, и однажды Федор Андреевич твердо решился приняться за ловлю. Укрепил же его в этом решении, главным образом, Яков Фомич Чрезмыслов, которого он часто встречал на четверговых вечерах у Ивана Антоновича Хрипуна.

Яков Фомич Чрезмыслов был довольно даровитый архитектор, но занимался не столько архитектурой, сколько спиритизмом. Он был знаком с Бутлеровым, Вагнером, Аксаковым, Прибытковым, находился в переписке с Круксом, Цельнером, присутствовал на сеансах с Юмом, Слэдом, Евзанией Палладино, со всеми медиумами, включительно до Самбора и Яна Гузика, и верил всему, включительно до гомеопатии.

Невысокого роста, полный, с мясистым лицом, на котором росла редкая щетинистая борода, щеки которого отвисали почти до плеч, а маленькие серые глаза прятались под угрюмо нависшими бровями по сторонам красного, изрытого оспою носа, — он походил на

того странного духа, вызванного лампою Аладина, которого можно видеть на картинке в детском издании 1001 ночи.

Федор Андреевич чувствовал к нему всегда невольное почтение и, ввиду его близкого знакомства со всем таинственным, решился узнать его мнение относительно всего, происшедшего с ним.

Он улучил минуту, когда Чрезмыслов, погруженный, быть может, в созерцание душ на планете Юпитере, одиноко сидел в углу хозяйского кабинета, и, подойдя к нему с своею открытой улыбкой, присел на соседнее кресло и заговорил с ним робким голосом ученика, жаждущего поучения от учителя.

— Простите, Яков Фомич; я может быть нарушил течение ваших мыслей, но мне хотелось бы узнать...

Яков Фомич медленно поднял лохматые брови, вяло взглянул на Федора Андреевича и глухо произнес:

— Сделайте одолжение, — после чего опять опустил брови и словно задремал.

— Скажите, пожалуйста, Яков Фомич, возможно ли, действительно, появление человека в его земной оболочке, спустя 16 лет после его смерти, в том же халате и туфлях? — спросил Федор Андреевич и даже слегка нагнул к Чрезмыслову в ожидании от него ответа.

— Вполне, — равнодушно ответил Яков Фомич. — К одной вдове являлся покойный муж в домашнем пиджаке. Она помнила, что у пиджака не было двух пуговиц. И что же? Они оказались пришитыми!

Чрезмыслов поднял брови, в глазах его мелькнуло вроде оживления, и он продолжал:

— К полковнику К. до сих пор является его боевой товарищ, поручик Н., убитый под Ловчей. Сначала почти новый сюртук его теперь совершенно истрепался и висит лохмотьями. Одна дама, некая Б. ...

Чрезмыслов друг за другом рассказал случаи явлений с того света, пока, наконец, Федор Андреевич не решился прервать его вопросом:

— Что их побуждает посещать живых?

Яков Фомич пожал плечами.

— Разные причины, — ответил он: — иногда обещанье, иногда тоска по любимым людям, но чаще что-нибудь невыполненное при жизни. Также бродят души непогребенных. Например, один нотариус, почтенный господин С. ...

Федор Андреевич вздрогнул и не расслышал рассказа, занятый своими мыслями.

Чрезмыслова он считал авторитетом, и тот безошибочно указал на причину появления старика.

«Значит, есть что-нибудь», — мелькнуло в уме Федора Андреевича, а Чрезмыслов продолжал свои удивительные рассказы вплоть до того момента, пока Хрипун не пригласил их к ужину.

Федор Андреевич сел рядом с Чрезмысловым и, когда подали десерт, передавая грушу Якову Фомичу, спросил его:

— Скажите, в тех случаях, когда эти привидения указывали на что-нибудь, передавали что-либо, бывали обманы с их стороны, мороченье?..

— Никогда! — резко ответил Чрезмыслов. — Капитан корабля Ф. увидел однажды в рубке утонувшего три года назад повара. Он являлся три раза и потом сказал ему...

В это время Иван Антонович склонился между ними и налил им малаги.

Но Федору Андреевичу и не важно было окончание рассказа.

Решение его созрело.

Поймать таракана! Это не представляет никакой трудности, если тараканов за печкою и на полках в любой кухне несметные легионы, но поймать из них одного и именно того, который будет указан,—это уже задача.

А ко всему если еще таракан этот обладает умом взрослого да изворотливого человека? При этой мысли Федор Андреевич совершенно терялся.

Вернувшись от Хрипуна, он лег, думая о поимке таракана, когда над его ухом раздался голос старика: «Лови при выходе!»

Федор Андреевич быстро открыл глаза. За стеной пробило три часа.

Как не пришла самому ему эта простая мысль!

Ведь, только один таракан уходит из квартиры в 12 часов ночи, чтобы за порогом двери обратиться в Карла Шельм и вернуться в свою аптеку!

И Федор Андреевич даже засмеялся от удовольствия.

Каждое впечатление можно было читать на его лице, как в книге; и, когда он пришел на службу, Штрицель первый спросил его:

— Что это вы сияете так, словно в газетах написали о вас хвалебный фельетон!

— Лучше, — засмеялся Федор Андреевич: — но тсс!.. Это пока секрет!

Потом, встретясь в коридоре с Хрюминым, которого считал своим товарищем, он взял его под руку и, смеясь, сказал ему:

— Хотел бы ты, Ваня, получить в дар способность видеть человеческую душу?

Хрюмин хихикнул и махнул рукою.

— Нет, на что мне эта способность!

— Как? — удивился Федор Андреевич. — Ты, встретившись с человеком, сразу узнаешь, что он такое: добрый или злой, умный, глупый, жадный; все мысли его!

Хрюмин засмеялся и завертел головою.

— Чушь, чушь! — сказал он. — И какая мне польза в этом.

Но Федор Андреевич смотрел на это иначе.

— Ах, Ваня! А по-моему это величайший дар. Ты будешь знать все, все... Что иной таит даже от себя, ты узнаешь: заботы, огорчения; то, что мучает иной раз душу человека, — все будет перед тобою, как в зеркале! Когда я получу эту способность...

Тут Хрюмин замахал руками, завертел головою и захихикал.

— Ну, зарпортовался, зарпортовался! Перестань!

Федор Андреевич спохватился и замолчал, но в это время к ним подошел Жохов и с снисходительной улыбкой спросил:

— Чему вы тут смеетесь?

Хрюмин, продолжая смеяться своим жиденским смехом, махнул рукою:

— Да вот! Федя хвастает, что скоро получит дар видеть насквозь души своих знакомых.

Лицо Жохова вспыхнуло, и он завистливо и недоброжелательно посмотрел на Федора Андреевича.

— Правда? Ну, и везет тебе!

Федор Андреевич смутился.

— Я пошутил, — сказал он. — А ведь хорошо бы?

Жохов энергично кивнул.

— Еще как! Что бы сделать можно было, беда! — и он встряхнул головою.

— А что?

Жохов даже удивился.

— Что? Все! — ответил он и с горячностью заговорил. — Ведь тогда бы у меня всякий в руках был! У иного на душе пакостей всяких... я их все знаю. Иной только и думает о своей красоте... я знаю. Подхожу к директору, читаю в его душе и жарю, как по писаному, — все в точку! Каждое слово маслом по сердцу! А ты: что? Да все можно сделать!..

Мысли о таракане не давали Федору Андреевичу даже заниматься как следует. В голове то составлялся план поимки таракана, то мелькали мысли, как он с кристаллом придет к Чуксановым и узнает, любит ли его Нина.

По окончании службы к нему подошел Штрицель.

— Вы пойдете обедать к Пузану? — спросил он. — Сегодня его рождение. Я хотел вас попросить...

Федор Андреевич вздохнул.

— Не могу! Я сегодня занят, очень занят!

— У него сегодня свидание, — засмеялся Тигров: — от этого он так и сияет!

— Досадно, — сказал Штрицель: — я думал пойти с вами. Как вы находите: можно ему поздравление послать?

— Отчего же! Пошлите!..

По дороге Федора Андреевича нагнал Орехов и начал свою обыкновенную речь:

— Вот сегодня уже под наградные занял. Мясник душит — ему отдай. Дрова вышли. Ох, не женитесь! Каторга. Работник один, а ртов много. Всем подай! Заболеешь — нищета. Доктора говорят: отдохните. Ха-ха-ха! Отдохнем в могиле, так-то...

Он вздохнул так, словно это был его последний вздох, и начал снова:

— Всем говорю: не женитесь! Это хорошо богатым.

Федор Андреевич шел рядом с ним и не слышал его слов, занятый своими мыслями. Поравнявшись с воротами, на которых красовалась доска с надписью: «домашние обеды», он пожал руку Орехову и вошел в кухмистерскую.

В этот день ему было решительно все равно, где бы ни пообедать.

Потом он пошел к себе спать и, выспавшись, снова вышел из дому напиться чаю и приготовить все необходимое для ловли. План уже созрел в его голове.

Он купил кнопок и патоки.

Был уже девятый час, когда он возвращался домой, и вдруг на лестнице, на один марш выше, он увидел того же толстяка, которого видел в первый вечер своего новоселья.

В той же шубе с скверным меховым воротником, в том же котелке на огромной голове, так же пыхтя и отдуваясь, этот господин медленно полз вверх по лестнице.

«Он!» — словно молнией сверкнуло в голове Федора Андреевича, и он замедлил шаги и затаил дыхание.

Как и тогда, в первый вечер, толстяк поднялся на третий этаж и почти тотчас на лестнице воцарилась тишина: шаги смолкли, пыхтение пресеклось, и только вверху где-то тихо замяукала кошка.

«Он!» — уже с полной уверенностью сказал Федор Андреевич и, весело улыбаясь, вошел к себе.

Переодевшись, он зажег лампы и принялся за работу. Работа была пустая. Он брал листы бумаги, резал их полосами вершка в два и густо смазывал патокой.

Потом он пошел в переднюю. Здесь работы было больше. Он разложил полосы у самого порога на полу и прикрепил их кнопками; с помощью тех же кнопок укрепил такие же полосы по стенам около косяков и, наконец, по потолку, над дверью. Словом, окружил

дверь со всех четырех сторон сплошным бордюром.

— Пусть перелезет, — усмехнулся он, старательно еще раз размазывая патоку.

Окончив все приготовления, Федор Андреевич ничего уже не мог делать. Он раскрывал книги любимых поэтов и громко начинал декламировать их стихи, но через минуту бросал их и хватался за перо, потом вставал, тревожно ходил по комнате и, наконец, упав на диван, замирал в ожидании, а через несколько мгновений снова бегал по комнате.

Хаос мыслей наполнял его голову. Невозможное казалось возможным, фантастическое становилось реальным. Он представлял себе, как на его глазах Шельм из таракана обращается в толстого немца, и при этом думал: «куда же он прячет пальто и шляпу?» Он представлял себе волшебный кристалл, так сказать, материализованную слюну сатаны, но тут его мысли останавливались...

Целый мир, новый, неизведанный, открывался перед ним! Что тайны моря заоблачных миров или неведомых стран? Перед ним, Федором Андреевичем, откроются тайны человеческих душ! И в его уме складывались поэмы, повести, романы...

Бегая по комнате, он подошел к столу, взглянул на лежащие на столе часы и вздрогнул: на часах было уже половина первого.

В первый момент у него подкосились от волнения ноги, но он быстро оправился, схватил свечку и выбежал в переднюю.

Громкий крик огласил комнаты, крик торжества. У притолоки направо, аршина полтора от пола, на полосе бумаги, тревожно двигая усами, сидел приставший к патоке таракан. Большой, черный, он беспокойно подымал голову, делал попытки двинуться, но тягучая патока удерживала его, и он только подымал

свои длинные усы, словно протягивал с мольбою руки.

— Не уйдешь, приятель! — радостно проговорил Федор Андреевич, осторожно снимая полосу бумаги и неся ее в комнату. Там он положил ее на обеденный стол и прикрыл опрокинутым стаканом. Края стакана врезались в густую патоку, а он для верности еще нажал его ладонью.

— Ну, фон Шельм, обращайтесь в аптекаря! — громко сказал он, но таракан, ничего не ответив, по-прежнему водил по воздуху поднятыми усами.

Федор Андреевич придвинул стул, сел и вперил нетерпеливый взгляд в стакан.

Все оставалось по-прежнему: превращения не совершалось.

Федор Андреевич почувствовал нечто вроде разочарования. Он уже приготовил ряд вопросов Шельму, но превращения никакого не происходило и таракан, видимо, изнемогая, начинал мириться с своею участью.

Федор Андреевич со вздохом обругал себя дураком и пошел в спальню.

Но едва он лег и загасил свечу, как перед ним явился старик. На этот раз он не был мертвенно неподвижен; напротив, он торопливо прошлепал туфлями, почти вбежал в комнату и, не садясь на стул, заговорил.

— О, благодарю! Кристаль ваш! Только еще одно!

— Что еще? — недовольно сказал Федор Андреевич. — Таракана поймал, — самый обыкновенный, черный. Никакого Шельма нет, как и кристалла. Подурачили меня и довольно! Идите!

— О! о! о! — застонал старик и завертелся на месте. — Тогда я пропаль! Время только до трех часов! Я не успею! О, жался, молодой шеловек! Пожалста!

— Что еще?

— Меня надо вынуть, открыть! Я сам не могу, я отдам кристаль! Пожалста! — его голос звучал томительной мольбою.

Федор Андреевич спустил с постели ноги, всунул их в туфли и сказал:

— Что надо делать?

— О, благодарю вам! — радостно ответил старик. — Идите за мной, здесь, и вскрывайте стен. Раз, два! Скорее!

— Позвольте! Я не кошка, чтобы в темноте шарить, — уже раздраженно ответил Федор Андреевич: — я зажду свечу!

— О, ја! — сказал старик, тряся головою, запахиваясь в халат и видимо волнуясь: — зажигайть! Я буду вам указать! Пожалста!

Федор Андреевич чиркнул спичку и зажег свечу.

— Кой черт? — выругался он, изумленно оглядываясь: — я брежу!

В комнате никого не было. Но в тот же миг словно порыв ветра подхватил Федора Андреевича, и он, схватив свечу, быстро встал и торопливо пошел через комнату, переднюю, по коридору, в кухню, поставил там на холодную плиту свечу и остановился опять в недоумении. Но это состояние продолжалось менее мгновения. Его взгляд упал на оставленный у плиты дворником топор; он быстро нагнулся, взял его, твердо подошел к стене и нетерпеливо, энергично стал выламывать из нее кирпичи.

«Бум, бум, бум», — глухо раздавались удары в ночной тишине, и потом с шумом сыпались на пол известка и щебень. Кирпич выпадал за кирпичом, известка сыпалась непрерывным потоком, пот ручьями лился по лицу Федора Андреевича, а он упорно ломал стену, вывертывая кирпич за кирпичом.

И при колеблющемся пламени свечи, в одном беле, с покрасневшим от усилия лицом, осыпанный известью, он казался безумным, нанося тяжкие удары топором в стену.

Вдруг, под влиянием непонятно мелькнувшей мысли, он отбросил топор в сторону и начал вынимать кирпичи руками. Перед ним открылась ниша, заслоненная широкой доскою. Он рванул доску; она с грохотом упала, и Федор Андреевич увидел старика. Он стоял недвижно, прислоненный к стене. Волосы зашевелились на голове Федора Андреевича он сделал шаг; вперед. Это был не старик, а высохший скелет державшийся только на позвоночнике, одетый в истлевший халат и покрытые плесенью туфли. От легкого сотрясения скелет дрогнул, желтый череп качнулся, словно кланяясь; позвоночник изогнулся и кости с сухим шелестом падали друг на друга.

Федор Андреевич отпрянул в сторону, споткнулся, закричал диким голосом и повалился без чувств на пол.

VI.

Он очнулся при сиянии солнечного ясного утра. Над ним, склонившись, стояли старший дворник и подручный Иван.

— Жив! — радостно закричал Иван, и Федор Андреевич, слабо улыбнувшись ему в ответ, сделал попытку встать, но ломота во всех костях тотчас заставила его снова опуститься на пол.

— Угорели, видно! — участливо сказал старший дворник, коренастый мужик с черной бородою лопатою. — Ну да, слава Богу, живы остались! Мы думали: помер барин. Иван-то прибег, бледный! Дверь, гыт, отпертая, и барин забит лежать!

— А ен жив! — радостно воскликнул Иван и улыбнулся во весь рот.

— Вероятно, угорел, — слабым голосом ответил Федор Андреевич: — помогите мне, братцы, до постели добраться. А ты, Иван, приготовь мне чаю.

— С нашим удовольствием!

Дворники подхватили его и осторожно повели в спальную. Уходя, он невольно оглянулся на стену. Она была цела, на полу — кроме щепок — не было никакого мусора...

— Ну, вы! чего налезли? Пошли прочь! — вдруг закричал старший дворник.

С лестницы в переднюю натолкался народ. В самой передней стояли кухарки с мешками для провизии и горничные с корзинками для булок; из-за них выглядывала рыжая голова девчонки; дальше, поднявшись на цыпочках, тянулся мальчишка из лавки с корзинкою на голове, а впереди всех какая-то облезлая собака жадно и старательно слизывала патоку с полосок бумаги у порога.

— Я вас ужо! — пригрозил, проходя мимо, дворник и, оставив Федора Андреевича на попечении Ивана, бросился назад исполнять свою угрозу.

В передней раздались тотчас пронзительный визг лакомки-собаки, глухой ропот любопытных и все покрывающий голос дворника.

— Угорел, черти, говорят вам: угорел! Да ну ты, тетка, поворачивайся! Ах, штоб вас!

Потом голоса смолкли, и дверь с шумом захлопнулась. Иван осторожно, на цыпочках, прошел в кухню,

а Федор Андреевич остался лежать с закрытыми глазами.

Что это было? Сон, кошмар, нервный припадок?... Но он отчетливо помнит и удары, наносимые стене топором, и шум обваливающейся штукатурки и, наконец, страшный остов, на его глазах развалившийся.

А эта ломота в руках? Не есть ли она результат усталости? Он открыл глаза и, взглянув на свои руки, с недоумением качнул головою. На их ладонях ясно обозначались по два пузыря, несомненно натертых топорищем, а вся тыльная сторона правой руки была испещрена мелкими ссадинами от осколков.

Что-то было, но что?..

В это время Иван внес в спальную стакан чая и сахар. Стараясь ступать как можно осторожнее, он шел словно по канату и стакан на блюде, от его напряженного внимания, дрожал и прыгал с явного опасностью хлопнуться на пол. Но Иван преодолел все трудности, поставил стакан на придвинутый им стул и выпрямился со вздохом облегчения.

— Полегчало? — спросил он участливо, встретив взгляд Федора Андреевича.

— Да, совершенно, — ответил он: — я выпью и засну немного.

— Ну, и слава Богу. А я думал, помер! ей-Богу... — ухмыляясь во весь рот, сказал Иван и спросил: — больше ничего не потребуется?

— Ничего. Можешь идти; я совсем здоров.

— Ну, и слава Богу, — снова повторил Иван и поклонившись, осторожно вышел из комнаты.

Федор Андреевич услышал, как стукнула дверь, и стал жадно пить крепкий чай, который видимо возвращал ему силы.

Потом он откинулся на подушку и задремал; легкая дремота обратилась в крепкий сон, и, когда Федор

Андреевич проснулся, ясный зимний день клонился к вечеру, сумерки серой пеленою уже окутали все предметы, а дальние углы заволокли совершенною тьмою.

Федор Андреевич зажег свечу, поднялся и прошел в комнату.

«Таракан, — вдруг мелькнуло в его голове: — может, и это сон?»

Он быстро подошел к столу и нагнулся со свечою.

Нет, на столе лежала полоса бумаги, прикрытая стаканом, и под ним находился таракан, но уже без видимых признаков жизни. Он весь лежал в патоке, длинные усы его бессильно вытянулись.

Федор Андреевич брезгливо поморщился, но в эту минуту взор его скользнул по столу и глаза засверкали неподдельной радостью: в открытой коробочке изпод пилюль, в розовой вате лежал ярко-сверкающий кристалл желтоватого цвета, величиною с хороший волюцкий орех.

Федор Андреевич жадно схватил его в руки.

— Спасибо, старик! не надул, — проговорил он весело и стал рассматривать камень. Он был бледножелтого цвета, совершенно прозрачный, формы октаэдра. Бледный свет свечи преломлялся в его плоскостях и, дробясь, отражался синим, зеленым и желтым огоньками.

— Спасибо, спасибо, — бормотал Федор Андреевич, продолжая разглядывать странный кристалл; но тут он почувствовал дрожь и вспомнил, что не одет.

Отложив кристалл, он тотчас начал одеваться, в то же время думая: «Однако, как им пользоваться? В глаз такого не засунешь. Вероятно, надо носить в кармане, держать в руке... и что за бестолковый старик!

Вернувшись из спальни, он снова протянул руку к коробочке, и вдруг увидел под нею аккуратно сложенную бумажку.

Он осторожно развернул ее, жадно впился в нее глазами и тотчас с досадою бросил ее на стол.

— На смех, что ли! — проговорил он, взволнованно вставая со стула.

На клочке бумаги ровным мелким почерком, без малейшего промежутка, подряд, были написаны буквы: «Положионыйвводуикапнитрикаплисолянойкислоты смотривводупятыминутиполучишьсилунадвенадцать-часоврастолкионыйвпорошокипооднойпорошинкена-глаздадутвечнуюсилу».

Может быть, это одно слово?

Федор Андреевич снова сел к столу и взял в руки бумажку.

— Положионыйвводуикап... Не выговоришь!

Он встал, зажег лампу на письменном столе и пересел к нему, взяв в руки карандаш.

«Разделю на слоги», мелькнуло у него в голове, и он стал карандашом отделять слоги.

Лицо его тотчас озарила улыбка торжества.

Господи, как это просто!

«По-ло-жи-о-ный-в-во-ду-и-кап-ни-три-кап-ли-со-ля-ной-кис-ло...ты; смотри в воду пять минут, — стал уже бойко читать Федор Андреевич, — и получишь силу на двенадцать часов. Растворки оный в порошок и по одной порошинке на глаз дадут вечную силу».

Федор Андреевич радостно засмеялся и вскочив, крепко потер руки. Талисман у него в руках, сила в его власти!..

«Завтра же испробую», — решил он, с нежностью беря кристалл, но желание испытать его чудодейственную силу было настолько велико, что он тотчас переменял свое решение.

Сегодня же!

Но где?

Он взглянул на часы: было уже половина одиннадцатого. Добрых пять часов он провозился с кристаллом!

В ту же минуту он почувствовал страшный голод, и это ощущение навело его на мысль пойти ужинать к Палкину. Он весело засмеялся. Возможны встречи... да и так народу, как на ярмарке..

Федор Андреевич бережно взял кристалл, уложил его в коробочку и запер в ящик своего стола, потом чуть не бегом пустился в ближайшую аптеку.

Вернувшись с пузырьком соляной кислоты, он аккуратно накапал в стакан воды три капли, положил перед собою часы и, опустив в воду кристалл, устремил на него глаза.

Резкая боль заставила его на мгновение зажмуриться, но он снова мужественно открыл глаза и впился ими в кристалл. Кристалл горел всеми огнями; из него словно вылетали искры и острыми иглами подымались кверху; на поверхности воды образовывались крошечные пузырьки; они лопались, и тогда Федор Андреевич ощущал острую резь в глазах, словно от укулов. Потом все заволклось как бы туманом, туман сменился нежным фосфорическим светом; затем вдруг выбросился сноп красного пламени.

Федору Андреевичу показалось, что он ослеп.

Он откинулся и долго сидел, прикрыв рукою глаза, которые ныли от боли; но боль, наконец, прошла. Федор Андреевич взглянул на часы: прошло всего 10 минут, которые показались ему добрым часом, и он с радостным чувством сознания таинственной силы встал и начал тщательно одеваться.

Было половина двенадцатого, когда он вышел из дома и, сев в сани, приказал извозчику везти себя к Палкину.

VII.

Съезд у Палкина уже начался. К подъезду то и дело, подъезжали и простые извозчики, и лихачи, в подъезд входили военные и статские, старые и молодые, с дамами и без дам и, когда Федор Андреевич вошел в ресторан, из залы неслись стройные звуки румынского оркестра.

По лестнице вверх и вниз шли мужчины и дамы: вверх — степенно, с сознанием возможности усладить себя за деньги; вниз — игриво, с покрасневшими лицами, блестящими глазами и громкой речью, с сознанием весело проведенного времени.

На верхней площадке амур, стоящий голым в бассейне, с беспечной улыбкой держал в руках бутылку из-под шампанского, из которой с неумолчным журчанием бил фонтан; и тут же рядом, одетый с изяществом заправского франта, с манерами молодого чиновника особых поручений при губернаторе, завитой и напوماженный управляющий ресторана отвечивал самые изысканные поклоны всем входящим и выходящим гостям.

Федор Андреевич вошел в зал, в глубине которого виднелся зимний сад, и на мгновение остановился, ища глазами незанятый столик. Белый зал, украшенный зеркалами, сверкал огнями, лакеи суетливо бегали по залу, скользя и извиваясь между столиками, за которыми, уставленными бутылками и бокалами, приборами, соусниками, кофейниками, сидели мужчины и дамы с веселыми оживленными лицами; в воздухе раздавались возгласы, смех, иногда резкий звонок, призывающий лакея, и все это покрывали плавные звуки румынского оркестра. В белых штанах и расшитых фан-

тастических куртках, они пилили, свистели, дудели, и впереди их со скрипкою стоял сам Матаки, черномазый брюнет с ослепительно-белыми зубами под огромными усищами.

Ресторанная атмосфера охватила Федора Андреевича, и он на время забыл о своем чудесном даре.

Отыскав свободный столик, он подозвал лакея, заказал принести водки с закуской, выбрал по карте блюдо и, откинувшись к спинке стула, стал оглядывать зал.

Он сидел у прохода. За его спиною, за большим столом сидела шумная компания молодых офицеров, слева от него какой-то старец сидел с молодой женщиной и что-то усиленно шептал ей, перегнувшись через стол, а она смеялась, грозила ему ножом от фрукт, и перья на ее громадной шляпе колыхались во все стороны.

Справа сидел господин купеческой складки и урюмом пил шампанское, заедая его виноградом. Общее веселие видимо угнетало его.

А дальше какие-то евреи, похожие на маклеров, шумели за столом на всю залу, вероятно запивая выгодную сделку; сидел толстый и красивый господин с очень красивой дамой, а там еще дамы и мужчины всех возрастов и категорий.

Вот, шелестя шелковыми юбками, небрежно глядя по сторонам, прошла высокая, стройная красавица, а за нею с робкой улыбкой проследовал худосочный прыщавый юноша, одетый по последней моде; вот из зимнего сада развязной походкой, с манерами гвардейских корнетов, прошли два студента.

Федор Андреевич вспомнил про свой дар и встретился, но в эту минуту подошел лакей и подал заказанное.

Волчий аппетит проснулся в Федоре Андреевиче и заглушил на время всякие иные, кроме еды, помыслы...

Выпив несколько рюмок водки и плотно поев, он заказал себе кофе с ликером, закурил папиросу и решил воспользоваться своею силой. Но как?

Он рассеянно оглянулся, взгляд его встретился с унылым взглядом соседа купеческой складки, и вдруг в то же мгновение в его ушах загудел ворчливый голос: «ох, маята, маята, хоть бы пес какой подвернулся, душу отвести. Ишь ты, франты кругом, а разверта настоящего нету, чтобы треск! вот бы сюда Фому Лукича захороводить, да Прокла Степановича...»

В то же время Федору Андреевичу показалось, что он видит пьяные красные лица... Вино льется... хор на румяненных девиц что-то поет, семена ногами и подпрыгивая... Через их головы летит бутылка. Хрясть! и на пол сыплются осколки разбитого зеркала, певицы испуганно шарахаются в сторону, а пьяные люди с диким хохотом их ловят...

Сосед отвел глаза, и Федор Андреевич словно очнулся. Лицо его озарилось улыбкою.

«Вот оно... чужая душа и чужие мысли! однако, это интересно», — подумал он: — «и прав Жохов: составь я этому дикобразу компанию, страх обрадуется... Однако, — через мгновение подумал он, — и свинья же!..» и он брезгливо оглянулся на своего соседа, но тот сидел, склонив голову, и угрюмо давил корявым пальцем на скатерти ягоду винограда.

Федор Андреевич оглянулся налево. Женщина в вычурной шляпе взглянула на него, и он тотчас услышал: «тоска! хоть бы денег дал, а то так только... мучает... противный, старый. А завтра за Мишу...»

Федор Андреевич увидел бедную комнату и в ней хорошенького мальчика лет двух. Эта самая женщина стоит перед ним на коленях и осыпает его страстными поцелуями. Подле них высокая женщина с сухим жестким лицом...

Женщина отвела глаза, и Федор Андреевич увидел, что она опять с кокетливой улыбкой грозит старику...

Он огляделся. «Пой, пой, подкуем на все четыре ноги!» — слышался музыкальный голос. На него смотрел красивый с наглым лицом еврей из компании напротив через проход.

Вот он отвернулся и с восторженной улыбкой аплодирует почтенному господину, сидящему в их компании.

«Подойти бы и предупредить» — мелькнуло в голове Федора Андреевича, и он опять обвел глазами зал. Шум поднялся в его ушах, в глазах запестрели картины. «Сто рублей пропьет, а пяти займы не даст!» с злобой слышался один голос; «голову бы разбил каналье, а ты лъсти!» слышался другой. «Уломаю или нет?» «Небось, напою до положения риз, все выложишь!» «Ругайся потом, мои деньги: хочу — пропью!» «И хороша, бестия!...» А в глазах мелькали картины...

Больная жена, рядом ребенок; лампадка слабо освещает комнату, и женщина вздрагивает и к чему-то тоскливо прислушивается...

Человек уныло шагает по улице, мороз крепчает, он зябко ежится в своем легком пальто...

На кушетке спит мужчина, другой, с армянским лицом, осторожно запускает руку в его карман.

— Федор Андреевич, а мы к вам! разрешите! — вдруг услышал он подле себя голос, вздрогнул и очнулся.

Перед ним стоял пожилой брюнет с изрядною плешью, с тщательно расчесанными бакенбардами. Губы его улыбались, темные глаза нагло смотрели через стекла золотого пенсне, кругленькое брюшко лезло вперед, и на нем болталась цепочка с массой брелоков. Это был Гозе, Димитрий Карлович, знаменитый тем, что в год писал по четыре раздирательных пьесы на историческую или уголовную тему для театра-балага-

на Хрипуна, в котором состоял режиссером. Теперь в фельетонах дешевой газеты он писал пасквильный роман, выводя в нем своих знакомых с их послужными списками, и находился в апогее своей славы.

— «Красавец собою... умен... общее внимание... кхе!.. должен быть счастлив!» услышал Федор Андреевич и увидел, как Гозе, поправляя на носу пенсне, самодовольно глядел на него. Федор Андреевич взглянул на его спутника. Он хихикал и потирал руки, склонив вперед свой неуклюжий стан. С короткой шеей, курносый, он походил в профиль на доброго йоркширского поросенка. Это был Воронов, Димитрий Авдеевич. Семинарист, бывший учитель, он считал себя крупным поэтом, а еще более крупным администратором с той поры, как попал в чиновники департамента полиции. Федор Андреевич познакомился с ними обоими у Хрипуна, у которого, как у Палкина, можно было встретить людей всяких профессий.

— Хи-хи-хи! не откажите, — говорил кланяясь Димитрий Авдеевич: — а то и местечка свободного нет.

— Сделайте милость! — радушно ответил Федор Андреевич, снова садясь на свое место.

Гозе откинулся на спинку стула и, задрвав голову кверху, с важным видом стал отдавать приказания почтительно склонившемуся лакею. Воронов сидел, потирая руки и улыбаясь, в то же время искоса поглядывая на Федора Андреевича. Тот взглянул на него и услышал тихий голос: «тоже стихи пишет... до моих далеко... и служит где-то... кажется, хорошо... буду внимателен... пригодиться всегда может...»

— Ну, будем есть и пить! — оживленно сказал Гозе, мановением руки отпустив лакея, и сейчас же устремил вспыхнувший взгляд на соседку.

— Невредная! — сказал он, осклабляясь, и Воронов принял тотчас серьезный вид, так как был женат и лю-

бил говорить о святости семейного очага, и забасил:

— Нет, ты скажи нам, кого ты теперь станешь изображать в своем романе? великолепная вещь! Стильная, живая! вы читали? — обратился он к Федору Андреевичу.

«Ему-то это маслом, дураку, по сердцу», — послышалось Федору Андреевичу.

— Нет,—ответил он.

— Гм! ха-ха-ха! — засмеялся Гоze: — так нравится? — спросил он самодовольно. — А вам я книжку дам, когда весь кончится!

Федор Андреевич кивнул головою, а Воронов, поправляя на носу очки, убежденно сказал:

— Лучшая вещь!

Лакей принес водку, рюмки и стал устанавливать закуски.

— Отлично! — весело сказал Гоze: — выпьем и закусим! вам угодно?

— Благодарю. Я уже поужинал!

Они жадно принялись за еду, а Федор Андреевич, перебрасываясь с ними легкими фразами, старался уловить их взгляды. Гоze поминутно вскидывал на него свои глаза, и Федор Андреевич слышал только самодовольные мысли о самом себе, о своей красоте, о своей славе, о своем даровании, о зависти и восторге окружающих. И — ничего больше!

Взгляд Воронова поймать было труднее: он избегал смотреть прямо, а если и взглядывал, то всегда при этом поправлял на носу очки. И Федор Андреевич мельком ловил его мысли. Он думал, как бы не попасть в роман Гоze, и измышлял способ запугать его. Думал о своем политическом значении, потом с трусливой беспокойностью о жене, от которой влетит, если она узнает, что он ужинал у Палкина. «Знает ли он, что жена моя генеральша?» — услышал вдруг Федор Андрее-

вич вопрос и уже хотел ответил: «не знаю», но вовремя одумался.

Ему становилось не по себе. Все, что он успел посмотреть и подслушать в человеческих душах, было так ограничено, пошло, бесцветно...

«Неужели интересы всех этих людей», подумал он, оглядываясь: «так ничтожны и пусты? Впрочем, это ресторан». И он успокоился, но чувство недовольства не оставляло его.

А Гозе, поев и выпив и тоже спросив ликер и кофе, закурил сигару и, выпячивая грудь, с циничной откровенностью стал рассказывать, как он живет с тремя семьями. Воронов хихикал и кивал головой, а Федор Андреевич, ловя его взгляды, читал, как искренне он завидует Гозе, как злится на его хвастовство и как хочет затмить его своим превосходством, но в то же время боится его, и снова хихикает. Вдруг почти над самым ухом Федора Андреевича, раздался его возглас: «Господи, его превосходительство!» и в то же мгновение Воронов встал, согнул надвое свое неуклюжее туловище и, сделав три крадущихся шага, с заискивающей улыбкой подошел к проходившему мимо седенькому старичку, косому на один глаз. Тот торопливо кивнул ему и прошел мимо. Воронов вернулся, на лице его была разлита сладость. Он взглянул на Федора Андреевича и сказал с некоторой торжественностью:

— Его превосходительство, сам начальник, Щеглов! — и Федор Андреевич одновременно услышал: «Отнесся ласково, хи-хи-хи! ну, чья взяла?»

Гозе был видимо смущен. Он издали почтительно поклонился старичку, но тот его не заметил.

Федору Андреевичу стало противно. Он встал, да уже было и время: румыны ушли, большая люстра погасла.

— Куда вы? — сказал Гозе: — посидели бы! Потом к разъезду в клуб пройдем. Самый разгар.

— Поздно! — ответил Федор Андреевич и, расплатившись, пошел из зала.

Управляющий отвесил ему поклон. Их взгляды встретились.

«Верно, тоже из почетных. Надо запомнить», услышал Федор Андреевич и весь вспыхнул.

— А для чего вы их запоминаете? — вслух спросил он.

Управляющий вытаращил глаза и откачнулся. Федор Андреевич усмехнулся и быстро пошел с лестницы.

Погода была мягкая, падал легкий снег, и он решил пройти пешком. На душе его было скверно. Действительно, только сатана мог наградить таким пакоственным даром! Этот Гозе? знал он его за славного, неглупого парня, к его романам (очень часто заимствованным) относился так же легко, как и он, но никогда бы не подумал, что он до такой степени пошел, пуст, бессодержателен! как, должно быть, он бывает зол, когда заденут его куриное тщеславие!.. А этот Воронов?! да ведь он все время считал его за умного, свободного человека и вдруг... такая мразь! тьфу!!

VIII.

Когда он встал на другое утро, впечатления вечера не изгладились еще из его памяти, и он чувствовал себя не в духе.

«Возобновить способность или нет?» думал он и то косился на ящик письменного стола, то с досадою от него отворачивался. Куда идти сегодня? Да! сегодня он обедает у Чуксановых и вечер проводит у Хрипуна. У него сегодня чье-то рождение и что-то вроде бала.

«Возобновлю!» решил он и с этой мыслью уселся к столу, на который Иван поставил уже кипящий самовар, и взял в руки газету. Взгляд его случайно упал на последнюю страницу, и он вдруг побледнел, и на лбу его выступил холодный пот. В черной рамке, первым в ряду объявлений об умерших, он прочел:

«Вдова и дети с глубоким прискорбием извещают
родных и друзей о внезапной кончине
Карла Ивановича Шельм,
последовавшей в ночь с 6 на 7 января от удушья».

«Убийца!» чуть не вскрикнул Федор Андреевич, отбрасывая газету, и, в волнении вскочив со стула, стал ходить по комнате. «Накрыл стаканом, когда знал, что там человек! раз вздохнул и готово!...»

«Но я же до последней минуты был убежден, что это таракан!» возразил он тотчас же: «какой? до этого мгновенья!»

«О, проклятый дар! он, он, Федор Андреевич мог убить человека? ха-ха-ха!»

Он остановился посреди комнаты и сжал голову руками.

«Одни сутки — и сколько ужасов!...»

Он бессильно опустился на стул и рассеянно взглянул на газету, взглянул и опять вздрогнул. Тут же, на последней странице, в отделе «Хроника», он прочел:

«Загадочный случай. Сегодня утром на набережной Обводного канала, у Забалканского моста, был усмотрен закоченевший труп старика, одетого в ветхий халат и туфли. Тут же случившаяся старуха, Анисья Козырева, прачка по ремеслу, признала в нем одного из своих давнишних клиентов, некоего Фридриха Густавовича Пфей-

фер, который лет 16 тому назад бесследно исчез из своей квартиры. Полиция деятельно принялась за расследование этого странного происшествия. Полуразложившийся труп предали погребению».

Федор Андреевич сидел, как подавленный, без движения, без мыслей. Чай давно простыл в его стакане. Самовар шумел, пыхтел, потом жалобно пискнул и начал медленно остывать, а он недвижно сидел, и только прерывистое дыхание свидетельствовало об его волнении.

Наконец, он встал, глубоко вздохнул и провел рукою по лицу.

Если все так случилось, значит так было суждено. Все происшедшее столь невероятно, что, очевидно, добрая или злая его воля не могли ни на волос изменить событий.

Эта мысль несколько успокоила его, и он стал неторопливо собираться из дома: сперва на службу, потом обедать к Чуксановым (при этом его сердце сжалось), а вечером к Хрипуну. Федор Андреевич покачал головою: «какая рассеянная жизнь! сколько драгоценного времени, потраченного даром! вечер за вечером!» И он тоскливо оглянулся на свой письменный стол, на котором лежали листки начатой поэмы. Но когда он взглянул на стол, взгляд его упал на ящик с торчащим в замке ключом, и он вспомнил про кристалл.

«Воспользуюсь!» решил он еще раз, взял стакан, кислоту и приготовил воду.

Полчаса спустя он вышел из дому и медленно направился к министерству, изредка взглядывая на прохожих.

И опять в душе его проснулось недовольство, и он стал жалеть, что воспользовался проклятым даром.

По всему пути, от дома до министерства, он не встретил ни одной «души», то есть ни одного человека с чистой радостью, с искренней тоской, с мыслью о ближнем. Самые пустые интересы волновали всех встречавшихся с ним и на первом месте стояла корысть и какая-то беспощадная ненависть ко всем другим. Встретился студент с ясным, улыбающимся лицом, и оказалось, что он думал о ловкой проделке: он только что послал отцу жалостливое письмо о своей нужде и, уверенный, что отец ему вышлет деньги, рассчитывал, успеет ли он получить их к вечеру у каких-то Сомовых, где будет игра.

И Федору Андреевичу вдруг привиделся земский врач на пункте, у него пятеро детей, живут они в избе, и вот, в крошечной комнатке врач грустно читает и перечитывает письмо сына, этого беспечного юноши...

Встретилась красивая женщина с веселым лицом, которая думала: «наконец-то я заставила Пьера взять взятку! он говорить: тяжело. Ничего, привыкнет! Все берут! теперь я этим Бегишевым покажу»...

Прошел с серьезным, нахмуренным лицом пожилой господин, у которого была одна мысль, похож ли он на действительного статского советника.

Промелькнул озлобленный человек, мысленно назвавший Федора Андреевича скотом за его шинель и цилиндр.

И только последняя встреча рассмешила его. Навстречу шел господин с красивыми баками, в котиковой шапке и меховом пальто. Он выступал как-то особенно важно, куря сигару на морозном воздухе и поднимая кверху нос с золотым пенсне. Федор Андреевич встретился с ним глазами, увидел самодовольное лицо и тотчас услышал: «а ну-с, Аграфена Петровна, угадайте-с: барин пришел к вам, али евонный лакей. Наше вам-с! силь ву пле!»

Федор Андреевич невольно рассмеялся и с улыбкою вошел в подъезд министерства.

«У него сорву рублей 15, да у Хрюмина. Жене рублей 5 отдам, а на остальные и кутнем!»

Федор Андреевич оглянулся и, к своему удивлению, увидел подходившего к нему Орехова. Он вздыхал и имел подавленный вид.

И в то же мгновение Федор Андреевич увидел бледную, исхудалую женщину. Вот она роется у себя в комоде, достает связку белья и суетливо одевается в драповую ротонду, пряча под нею остатки имущества. Вот она торопливо идет по улице и останавливается у подъезда с крупною надписью: «Ломбард»...

Федор Андреевич сухо поздоровался с Ореховым и отвернулся, едва тот разинул рот. Не смотря на него, он торопливо разделся и устремился вверх по лестнице. На площадке с ним поздоровался Жохов. «Сегодня узнать должен», мелькало у него в голове: «догадается, или нет? а впрочем, где ему, дураку, догадаться!»

— Дружище! — сказал он громко: — Ну, как живешь, что пишешь? Я недавно читал твои стишки!

Этими словами он всегда начинал свои беседы с Федором Андреевичем, но на этот раз, в предчувствии какой-то неприятности, Федор Андреевич ограничился только сухой улыбкой и пошел в свое отделение.

Ему опять сделалось тоскливо. Вот, только вошел в министерство, и уже двоих осудил.

Этот Орехов, которого он так всегда жалел, оказывается далеко не несчастным; несчастна его жена...

Этот Жохов, его приятель, что-то замышляет против него.

— А, Федор Андреевич! — у самых дверей приветствовал его Штрицель: — что с вами вчера было? Отчего на службе не были?

— Нездоровилось, — ответил Федор Андреевич, смотря ему в близорукие глаза.

«Читал или нет?» услышал он тревожную мысль Штрицеля.

— Читали вчера газету? — спросил он Федора Андреевича.

— Нет, а что?

Лицо Штрицеля просияло: «Убедится теперь, что я писатель!»

— Так. Отзыв о моей книжке, — ответил он небрежно: — я могу прочесть вам. Вот!

И, вынув из кармана сложенную газету, он прочел крошечную заметку об его крошечной книжке стихов. Лицо его сияло. Когда, прерывая чтение, Штрицель взглядывал на Федора Андреевича, он читал его самодовольные мысли: «завидно, пожалуй... а? полмиллиона прочли, что есть писатель Штрицель!.. ишь, улыбается, а у самого кошки скребут!..»

— Завтра схожу в книжный магазин. Вероятно, продажа двинулась, — сказал он, окончив чтение и свертывая газету.

— Я очень рад вашему успеху, — искренне сказал он Штрицелю и вошел в комнату.

Сослуживцы дружески с ним поздоровались. Федор Андреевич взглянул на одного, на другого, на всех по очереди, начиная от старшего помощника делопроизводителя, кончая причисленным канцелярским служителем, и у всех прочел какие-то тревожные, отрывочные мысли: «что-то будет... как повернет... пожалуй и кубарем... нет, он меня отличал».

И только один Штрицель был весь погружен в самодовольные мысли о своем литературном дебюте.

— Что-то случилось, чего я не знаю? — сказал Федор Андреевич Тигрову. Тот выпучил на него глаза с неподдельным изумлением, и Федор Андреевич прочел:

«считал я тебя всегда дураком, но не таким!»

«Это он-то? меня!» — вспыхнув, подумал Федор Андреевич, а Тигров продолжал:

— Не знаете? У нас директора сменили! назначен Гавриловский, — и, понизив голос, шепнул многозначительно: — в высших сферах интриги! У меня знакомый, знаете (он назвал фамилию одного из министров), так я от него слыхал: в высших сферах интриги! — и он с важным видом выпятил вперед накрахмаленную сорочку: «пронял!» самодовольно подумал он, «небось, тебе к таким людям и на порог не ступить!»

Федор Андреевич опять вспыхнул и мысленно обругал Тигрова.

В этот день для него, как нарочно, открылось назидательное зрелище. По-видимому, все сидели покойно, углубленные в свои бумаги, или мирно беседующие, но стоило им вскинуть глаза на Федора Андреевича, и тот читал их тревожные, мелочные мысли: кого куда переместит новый директор, кого отличит, кого затрет, кого приведет с собою.

Ему становилось противно, словно он сидел в лакейской, и он собрался уже выйти в коридор, когда его позвал к себе в кабинет Чемоданов. Он, не сгибая локтя, подал руку Федору Андреевичу и, пригласив его сесть, скрипучим голосом сказал:

— Я разочарую вас, Федор Андреевич. На вакантное место его превосходительство изволил лично назначить Жохова, и я не мог даже замолвить слова.

«Не стану же я из-за этого франта себе карьеры портить. У того протекции, а этот».... услышал Федор Андреевич его мысли и торопливо встал.

— Я не так огорчен, Василий Семенович, этим. Я, слава Богу, один, и на мой век хватит и теперешнего! — сказал он.

«Врет, но молодец!» подумал Чемоданов: «напрасно я в угоду Гавриловскому выругал его. Постараюсь загладить. С выдержкой человек!»

— И прекрасно! — проскрипел он, стараясь сделать веселое лицо: — я о вас позабочусь. Еще поработаем вместе!

Федор Андреевич вышел от него с скверным чувством сознания человеческой подлости. Чемоданов ему казался всегда благородным человеком, и он не думал, что в душе, он настолько лакей; Жохов был ему товарищем, и он не ожидал, чтобы тот даже не предупредил его, что перешел ему дорогу. Когда же он проходил через комнату, в мыслях всех своих сослуживцев он прочел какое-то необъяснимое злорадство.

— А, брат Федюха! — приветствовал его Хрюмин, вертя головою: — что, отшили? хи-хи-хи!

— Мне-то на это плюнуть, — ответил искренне Федор Андреевич: — но для чего передо мной Жохов ломался? поздравлял тогда?

— Хи-хи-хи, — завертел головою Хрюмин; — просто скотина он!

Федор Андреевич взглянул на него и вдруг услышал его мысли: «авось теперь иначе про него подумает да выругает его. А я Жохову скажу. Он в гору идет!»

Федор Андреевич даже вздрогнул. О, мерзость! — хотел он воскликнуть, но Хрюмин в это время, вертя головою, говорил и хихикал:

— Он, каналья, про тебя здесь такие слухи распускает, беда! Что и пьяница ты, и игрок...

— Все вы на одну колодку, — вспыхнув, произнес Федор Андреевич и почти бегом направился к лестнице, не досидев до урочного часа.

Он ехал, закутавшись в шинель, стараясь ни с кем не встречаться взглядами, и душа его кипела от пережитых впечатлений.

Сколько мелочности, грязи и подлости представляют души тех, кого он любил и кому он верил. Полоумный Штрицель со своей манией пролезть в писатели оказывается лучшим из всех. Даже дурак Тигров, которого он всегда отстаивал, считает его дураком. И, правда, дурак! Дурак за эту смешную веру в людей и их добродетели! а впрочем... — и мысли его перенеслись в маленький домик на Петербургской стороне, куда теперь он ехал, чтобы отдохнуть.

Вот и Кривая улица, вот и решетка, отгораживающая палисадник. Федор Андреевич быстро вышел из саней, расплатился с извозчиком, прошел между двумя сугробами снега и позвонил у крылечка.

За дверью послышались шаркающие шаги, щелкнул ключ, стукнул крючок, загремела цепь, и Федор Андреевич увидел самого Чумазова*, запахивающегося в халат.

— Степан Африканович, зачем это вы без...— начал Федор Андреевич и смолк на полуслове.

«Ишь, словно ворон на пададь! не пришибись, парень!» раздалось в его ушах, едва он взглянул в маленькие глазки Чумазова.

— Ничего, ничего, пожалуйста! — тихо говорил тем временем Чумазов, стараясь казаться радушным.

— Нина, Федор Андреевич! — крикнул он и, запахнувшись в халат, пошел из передней, сказав:

— Дверь-то хорошенько закройте!

Федор Андреевич несколько мгновений стоял в нерешимости, думая: не уйти ли, раз он узнал мысли хозяина, но потом, усмехнувшись, встряхнул плечами и быстро разделся.

* Здесь и далее фамилия знакомых героя необъяснимо меняется с «Чуксановых» на «Чумазовых» (*Прим. изд.*).

Не к нему, ведь, идет он! и та же Нина отлично знает, что ему нет дела до их капиталов.

Он вошел в гостиную в одно время с Ниною, и они дружески встретились на середине комнаты.

«Чем-то недоволен. Опять какая-нибудь сентиментальная чушь», услышал он, взглянув в ее глаза, а следом раздался ее голос:

— Ну, здравствуйте! Что это вы сегодня каким букою? Огорчены чем-нибудь?

Он улыбнулся. Что же, в ее мыслях было участие к нему, хотя в несколько странной форме, — и он ответил:

— Ничего, кроме того, что я упустил повышение по службе и потерял двух приятелей!

— Умерли?

— Нет, я в них разочаровался.

«Так я и думала! прав Толя: совершенная размазня!»

Федор Андреевич покраснел.

— Ну, это еще небольшая потеря, — весело сказала Нина: — вы знаете: Господи, избави меня от друзей!.. а вот повышение... Скажите, что это было за повышение?

Федору Андреевичу больно было слушать ее слова. В ее розовых губках они казались ему циничны. Раньше они казались ему забавны, и он всегда думал, что она говорит такие слова нарочно, чтобы вызвать его на горячий спор

Он коротко рассказал ей и про обещание Чемоданова, и про перемену директора, и про поведение Жохова, — и все время пристально глядел ей в глаза, читая ее мысли, от которых ему становилось все больней и больней.

«Дурак, прямо дурак», слышался ему ее насмешливый голос: «ну, что я с ним буду делать? Мама го-

ворит: «переделаешь!» да он всегда таким останется. Рохля какой-то. Ему бы только стишки писать, да торговаться. У-у! вот размазня-то!»

— Ну, что же, — сказала она ласково, когда он смолк. — Чемоданов все-таки отличил вас. Времени впереди много!

— Я и не огорчен этим, — ответил он: — мне больно было разочароваться в людях, — и в его голосе послышалась тоска.

«С чего это он?» встрепенулась Нина и ласково улыбнулась ему.

— У вас еще есть друзья и люди, которые вас любят! — при этом она взглянула на него быстрым лучистым взглядом, и он расслышал: «от этого взгляда сейчас вспыхнет и раскиснет! знаю!»

Он, действительно, вспыхнул, но не раскис.

В эту минуту в комнату вошла Глафира Иларионовна.

— А! Федор Андреевич! — воскликнула она радостно: — голубчик мой! ну, идемте обедать. Толя уже пришел!

Федор Андреевич ласково поцеловал ее руку и поднял голову. Глаза их встретились.

«Что это она ему такого сказала?» услышал он тревожный голос: — «ишь раскис весь! дура! говорю: до свадьбы по шерсти гладь. Наверстать успеешь. Дура!» — и она перевела сердитый взгляд на дочь. Федор Андреевич подметил, как она в ответ матери пожала плечами. Холодный пот выступил у него на лбу.

— Идите, идите! — весело говорила Глафира Иларионовна. — Нина, веди его!

В столовой ему навстречу поднялся Анатолий и дружески встряхнул ему руку.

— Каковы буры! — сказал он, но Федор Андреевич успел услышать: «ну, сегодня Селиванов совсем растаял.

Значит, при Академии остаюсь. Обошел Яшеньку!»

Федор Андреевич ничего не ответил, и Анатолий даже не обратил на это внимания.

Мысли его были заняты какими-то стратегическими соображениями: кого-то смазать, кого-то ульстить, кого-то обойти, куда-то втереться и, наконец, чего-то добиться.

Сам Чумазов с угрюмым видом глядел себе в тарелку, и Федор Андреевич не мог уловить его взгляда, а Чумазова, взглядывая на Федора Андреевича, казалось, громко ему кричала: «Господи, и когда эта канитель вся кончится. Ходит, ходит и все не осмелится. Дурак какой-то! мой на что хухря, а как тогда храбро! ну, да и я...» — она приветливо улыбнулась Федору Андреевичу, а тот продолжал слышать: — «неприменно надо Нину настроить. Пусть вызовет его. — Взгляни, пожми руку — он и раскис. Ведь, сама говорила, что не упустит!»

А Нина все время занимала его.

Она рассказала ему про свои сегодняшние занятия, описала ссору двух подруг, сказала, что в книжках «Недели» читала его стихи и так увлекалась ими, что будет просить одного музыканта написать музыку.

— Какие же вам больше понравились? — спросил Федор Андреевич, взглядывая на Нину. «Вот еще! — услышал он, — и вправду вообразил, что я читала его дребедень! довольно того, что сам читает! Какие же? ах, да!»

— Лес, — ответила она: — помните: «Лес стоит угрюм и мрачен; не видать тропы знакомой»...

Федор Андреевич молча кивнул головой и покраснел, увидев насмешливый взгляд Анатолия. «Тешутся», услышал он, а Нина говорила брату:

— Сегодня Федор Андреевич не в духе. Он разочаровался в своих друзьях.

— Не надо было ими очаровываться, — сухо сказал Анатолий и встал из-за стола.

Федор Андреевич поднялся тоже и торопливо стал откланиваться. На лицах матери и дочери отразилась неподдельная тревога.

— Куда вы? — воскликнули они в один голос.

— Я вам сыграю новую пьесу.

— А кофе?!

Но он настойчиво отклонил и кофе, и музыку.

— Я на вас буду целую неделю дуться, — сказала Нина.

— Не выдержит! — сладким голосом произнесла Глафира Иларионовна и лукаво взглянула на Федора Андреевича. «Что это словно он взбесился? никогда таким не бывал!»

— Послезавтра у нас пельмени. Для вас делаю! — сказала она.

Он выбежал от них, словно у него горели подошвы, и, пройдя с добрую версту с шинелью нараспашку, едва пришел в себя от всего пережитого.

Вот, кого он любил и кем восхищался!

Проклятый дар!..

Он шел по улице и восстанавливал весь день во всех подробностях. Уж не поехать ли домой и залечь спать? Но, собственно, все горькое для него уже кончилось; всего остального он может быть только зрителем. И с этою мыслью он направился домой, чтобы переодеться и поехать к Хрипуну.

IX.

Иван Антонович Хрипун был дельцом последней формации. Из дворянской фамилии, умный и энергичный, с своеобразной этикой, по которой люди служили ему только средствами для достижения целей, он в короткое время из помещика среднего достатка обратился в богача, — впрочем, богача по оборотам. Никто не знал его наличных средств, и весьма возможно — умри он внезапно, его семья осталась бы без всяких средств, но теперь у него был миллионный доходный дом на Литейном проспекте, свечной завод, кузница, в одном из имений паровая мельница и, наконец, народный театр, которым он очень гордился и который давал ему немалый доход. Собственно, это был просто балаган, в котором разыгрывались специально заказанные Хрипуном пьесы, где время от времени фигурировал белый генерал, чисто русский боярин, и всегда вышучивались евреи, поляки избражались крамольниками, а немцы, армяне и финны — исконными врагами русских, — но Хрипун с гордостью заявлял, что он со своим театром является одним из устоев «русских начал», и часто, сидя в своем балагане на галерке, вместе с полупьяной публикой, гоготал от восторга, когда актеры на сцене лупили еврея в длиннополом кафтане.

В то же время, прикрываясь своим патриотизмом, он отлично обрабатывал полуголодных актеров, держа их на грошовой жалованье.

Вообще Хрипун был деловой человек.

Солидные дельцы при его имени поднимали брови и покачивали головами, но всякий из них прини-

мал его бланк и общество охотно посещало его богатые рауты.

Добродушный Федор Андреевич, случайно познакомившись с Хрипуном, был поражен его разносторонней деятельностью и искренне увлекался им, слепо веря всему, что говорил о себе Хрипун.

Когда Федор Андреевич подошел к подъезду дома Хрипуна, у панели уже стояло несколько экипажей, окна бельэтажа ярко светились, и в большой передней два швейцара суетливо помогали раздеваться гостям.

Федор Андреевич сбросил шинель на руки одному из швейцаров и пошел по ярко освещенной лестнице. В небольшой передней, украшенной зеркалами в позолоченных рамах, Хрипун принимал гостей. Невысокого роста, коренастый и плотный, с умным грубоватым лицом, изрезанным мелкими морщинками, с рассеянным взглядом занятого своими мыслями человека, Хрипун улыбался при входе нового лица, шаркал ногой, пожимал ему руку и говорил:

— Милости просим!

Потом выпрямлялся и проделывал то же со следующим.

Федор Андреевич поздоровался с ним, но не смог уловить его взгляда и прошел в комнаты. У порога маленькой гостиной стояла хозяйка, с милым, ласковым лицом, и приветливо здоровалась с каждым. Увидев Федора Андреевича, она улыбнулась ему, как старому знакомому, и протянула ему руку, он успел встретиться с нею глазами. «Господи, какая скука, — услышал он ее мысли: — и как Иван не поймет, что все это смешно и не нужно».

В комнатах уже толпились гости, в кабинете хозяина и наверху, в конторе, за ломберными столами играли в карты, в зале танцевала молодежь, а лакеи, не-

слышно скользя между гостями, разносили чай, пунш, крушоны и конфеты.

Федор Андреевич стал бродить по комнатам, изредка здороваясь с знакомыми, и с жадным любопытством засматривал всем в глаза. В комнатах толкались и мелкие писатели, поставщики пьес для балагана Хрипуна, и артисты, отличенные Хрипуном, и купцы, и два-три генерала, несколько чинов полиции и затем товарищи Хрипуна по думе, между которыми были и доктора, и адвокаты.

— Федор Андреевич! — раздался подле него оклик. Он повернул голову и поздоровался с Гозе. Тот сиял. Фрак свободно лежал на его короткой толстой фигуре, баки небрежно были откинуты, на поднятом носе трепетало золотое пенсне, и Гозе самодовольно улыбался, глядя по сторонам с обворожительной любезностью. «Ну, кто красивее меня? кто изящнее, кто умнее?» — услышал Федор Андреевич и улыбнулся в ответ этому пустому самодовольству.

— Воронова не видели? — спросил Гозе.

— Нет. Он здесь?

— Здесь! привез жену и ходит с ней, как дурень с писаной торбой. Семинарист, и вдруг женился на генеральской дочке! Теперь горд как индейский петух. Да вон он стоит!

Федор Андреевич взглянул и в дверях зала увидел Воронова. Согнув шею, выставив вперед свое курносое лицо, он действительно сиял.

— Пишете новую пьесу? — спросил у Гозе подошедший к нему господин странного вида: жидкий и сухой, как палка, с крошечной лохматой головою, с торчащей бородой, он походил на мочальную швабру, прислоненную к стене, потому что имел обыкновение как-то весь откидываться назад.

«Надо быть посолиднее!» — услышал Федор Андрее-

вич, и затем Гозе сказал:

— Пишу, пишу! Иван Антонович не прожил бы масленой и пасхи без моих пьес. Ха-ха-ха!

— Будет мне ролька?

«Знакомы ли они»? — подумал Гозе и сказал:

— Это Мерзкохарь, даровитый артист.

Федор Андреевич, не без удивления странной фамилии, пожал мокрую руку Мерзкохаря. Тот откинулся еще сильнее, несомненно для придания себе важности и, встряхнув своими мочалами, спросил:

— Изволите писать для нашего театра? не слышал вашей фамилии! может, артист?

— Нет, я пишу, но не пьесы.

— А к нам ходите?

«Видел ли он меня хоть в одной из ролей?» — беспокойно заворочалось у него в голове.

— Он неподражаемо играет станowych приставов и сыщиков, — вмешался Гозе и отошел.

Мерзкохарь закачался, как гибкий прут.

— Вам нравится? — спросил он Гозе, но тот уже отошел в сторону, и Мерзкохарь обратился к Федору Андреевичу: — У меня, правда, отлично выходят сцены с чухнами и жидами. Когда я их ловлю и начинаю бить, или выслеживаю, Иван Антонович всегда очень хвалят!

«Похвали и ты!»

Федор Андреевич только кивнул головою, всматриваясь в серые глазки этой хари, а тот думал: «дуралей какой-то! верно, втирается к Хрипуну. Ну, да я отшибу тебя. Подожди! не сегодня-завтра меня режиссером сделает, я и Гозе тогда — фью! однако, черт возьми, не нырнуть ли в буфет?»

— А, Слонов! — извиваясь станом, окликнул он лохматого человека и пошел с ним из комнаты. Федор Андреевич оглянулся. Два господина говорили об аф-

риканской войне с видимым жаром. Взгляд одного упал на Федора Андреевича, и он явственно услышал: «провалился бы ты с бурами! говорил бы сразу, за сколько меня покупаешь, а то буры!»

Федор Андреевич брезгливо отвернулся и прошел дальше. Четверо играли за одним столом в винт. Он постарался встретить их взгляды, и все они, оказывается, презирали друг друга и считали мошенниками. Федору Андреевичу стало противно, и вдруг он увидел несущегося по комнате хозяина. Его взгляд скользил по гостям. Он подходил то к одному, то к другому, брал его за талью, потом оставлял и шел дальше. Взгляд его встретился с глазами Федора Андреевича.

«Ну, этот мне пока не нужен! да и вообще!» И он прошел мимо Федора Андреевича, смотря пристально впереди себя, и вдруг набросился на одного господина и пошел с ним назад.

— Я вас с женой познакомлю и потом вам партию устрою! — нежно говорил он и случайно взглянул на Федора Андреевича. «Не уйдешь ты от меня теперь», — услышал он.

«Деловой человек!» — с усмешкой подумал Федор Андреевич, а Хрипун опять шел назад, ведя под руку Воронова. Тот согнул свою неуклюжую фигуру и счастливо улыбался.

«Все же полиция. Обласкать надо; всегда пакость устроить может», думал Хрипун, идя с Вороновым, а Воронов с гордостью думал: «Вот что значит жена из высшего общества!»

Федор Андреевич торопливо отвернулся, и ему стало противно. В это время глаза его встретились с глазами управляющего Хрипуна. Гладко выбритое, умное и хитрое лицо управляющего, насмешливо улыбалось. Федор Андреевич услышал: «Дурачье! их корми только! а узнай они наши дела... что этот так глаза пучит?...»

— Мое почтение! — сказал он Федору Андреевичу, подавая ему мягкую, как вата, руку.

Федор Андреевич поздоровался с ним и пошел дальше. Он миновал несколько комнат и очутился в маленькой гостиной, освещенной голубым фонарем.

Здесь не было никого. Смешанный гул толпы и музыки доносились смутным шумом.

Федор Андреевич устало опустился в глубокое кресло и тяжело вздохнул. Чувства омерзения и ужаса сменялись в его душе. Вот люди, которых он и уважал, и любил! жалкие себялюбцы, глупцы, негодяи, лицемеры! ни одной возвышенной мысли, ни одного чистого чувства!.. Правы все, считавшие его чуть не дураком!..

Он машинально взял в руки чей-то портрет со стола. За стеклом рамки смотрело на него красивое женское лицо; в то же время в стекле, на темном фоне отразилась его физиономия; он взглянул себе в глаза и в ту же минуту услышал самодовольный голос: «что ни говори, а я лучше всех! и умнее, и чище...»

Краска кинулась ему в лицо, и он с негодованием отложил в сторону портрет. Вот и он со своей душой!

— Что вы уединились тут? — раздался над ним голос: — Одни и скучаете?

Он торопливо встал и увидел перед собою радушное лицо хозяйки.

— Я зашел сюда отдохнуть, — ответил он, смотря ей в глаза, но таинственного голоса не раздалось: сила талисмана окончилась...

— Может быть, вы кого-нибудь ждете! — с лукавой улыбкою сказала хозяйка и, погрозив пальцем, вышла.

Федору Андреевичу стало невыносимо тяжело. После всего пережитого за день он уже не чувствовал себя в силах оставаться здесь долее и решил уехать.

По дороге он думал, что испортил навеки свою жизнь, что теперь он уже не будет в состоянии, как

прежде, смотреть открыто людям в глаза и доверчиво относиться к их речам. Что теперь он не поверит... даже себе.

Он вошел в свою квартиру, оглянулся кругом и все показалось ему так уныло, так пасмурно. И в нем самом совершилась перемена.

Чувство сперва ужаса, потом омерзения сменилось тихой грустью. Собственно, он вкусил от дерева познания добра и зла...

Но как же он раньше жил? дураком, наивнейшим дураком! размазною!..

И все-таки: проклятый дар этого прок... этого старичишки!..

Хорошо еще, что он не наградил себя этою способностью навсегда. Он бы повесился с отчаянья... Нет, лучше оставаться размазною... если теперь это возможно... Во всяком случае...

Он решительно поднялся, открыл ящик стола, вынул из него кристалл и прошел с ним в кухню. Там, разложив на плите газетный лист, он схватил топор и обухом его растолок в пыль этот проклятый камень, это сатанинское прозрение.

Потом вернулся в комнаты и с омерзением торопливо выбросил порошок за форточку. Порошок рассыпался мелкою пылью, и Федор Андреевич вздохнул с облегчением...

В это время под окошком проходили молодые люди, только что вступающие в жизнь. Они возвращались с товарищеской пирушки и продолжали с жаром говорить об идеалах, о торжестве правды, о готовности пострадать за нее; давали жаркие обеты всю жизнь посвятить добру и служению ближнему, — и вдруг приостановились, при свете фонаря взглянули в глаза другу другу и... громко расхохотались.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Ефимович Зарин (1862-1929) родился в литературной петербургской семье поэта, переводчика и публициста Е. Ф. Зарина и его жены, писательницы Е. И. Зариной. Его младший брат Федор также пошел по семейным стопам, став поэтом, прозаиком и драматургом.

А. Е. Зарин учился в петербургских и виленских гимназиях, затем в Виленском реальном училище, откуда был исключен в 1883 г. по причине ареста (будущий писатель подозревался в хранении нелегальной литературы и связях с «Народной волей»). Проведя месяц в Виленской тюрьме, Зарин был освобожден, однако до 1893 г. находился под негласным надзором полиции и в середине 1880-х гг. подвергнулся административной высылке в Саратов.

По возвращении в Петербург в начале 1886 г. Зарин служил чиновником в Государственном банке и Управлении государственных имуществ. Одновременно, используя широкие литературные связи матери с видными писателями, усиленно пытался выстроить литературную карьеру; с 1887 г. он регулярно печатал рассказы, очерки и стихи в «Живописном обозрении». С 1888 г. Зарин полностью посвятил себя литературной деятельности; с тех пор он публиковался в более чем 60 столичных и

провинциальных изданиях самой различной направленности, опубликовал свыше 100 книг.

В обширном литературном наследии Зарина, которое принято относить к области «массовой» литературы – бытовые, мелодраматические и исторические романы, повести и рассказы; особый интерес, как сравнительно ранние образчики русского детектива, представляют его «уголовные» романы. «Высокая» критика считала их примерами дурновкусия; известен иронический отзыв А. Блока на роман Зарина «Спирит» (1902).

В 1900-х гг. Зарин был редактором журналов «Живописное обозрение», «Воскресенье», «Природа и люди», а также газет «Обновленная Россия» и «Современная жизнь». В 1906 и 1908 годах привлекался к суду по обвинению в распространении статей «бунтовщического» содержания. В 1908-1908 гг. он отбывал заключение в одиночной камере петербургских «Крестов», был лишен выборных прав и права заниматься редакционной и издательской деятельностью. В 1912 г. Зарин подал прошение о восстановлении в правах, которое не было удовлетворено. Несмотря на революционное прошлое, в 1913 г., к 300-летию дома Романовых, Зарин опубликовал 13 книг о жизни русских царей, включавших повести, рассказы и очерки; позднее писал биографические книги для юношества.

После революции Зарин сотрудничал в журналах «Вокруг света», «Смена», «Красный пролетарий» и ряде газет, опубликовал несколько повестей. В 1922 г. он выступил также как сценарист драматических кинолент «Скорбь бесконечная» и «Отец Серафим» и комедии «Чудотворец», положительно отмеченной В. И. Лениным.

Текст публикуется по книге А. Е. Зарина «Дар Сатаны: Сборник повестей и рассказов» (СПб., 1904). Орфография приведена в соответствие с современными нормами; авторская пунктуация оставлена без изменений. Биографический очерк основан на статье А. И. Рейтблата («Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь»).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.